

18+

ЖДЁННАЯ В КРОВИ

КНИГА 1

РАПА К

ЛИБРАРИЯ КИТОВ. ВЕРДИВАН

СЕРИЯ КНИЖЕЧНОГО УЧАСЬЕ СЕР. 11988385 / 12-16 БАНК. СЕРИЯ

46-65-07

Рада К Рождённая в крови

<https://litres.ru/74285853>

ISBN 9785007068482

Аннотация

Мир пережил вирус. Но не конец — лишь смену власти. Гули остались в руинах, а настоящие хозяева — в укреплённых секторах, где апокалипсис стал системой контроля. Объект №0 — их главное оружие. Созданная подчиняться, защищать порядок и лишённая права на имя или прошлое, она должна была стать идеальным цепным псом жестокой системы. Но когда память начинает возвращаться, она может стать тем, кто уничтожит эту систему до основания.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Настоящее	6
Глава 2. Прошлое	11
Глава 3. Настоящее	16
Глава 4. Прошлое	23
Глава 5. Настоящее	34
Глава 6. Прошлое	48
Глава 7. Настоящее	61
Глава 8. Настоящее	73
Глава 9. Настоящее	87
Глава 10. Настоящее	105
Глава 11. Настоящее	117
Глава 12. Настоящее	133
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Рождённая в крови

Рада К

© Рада К, 2026

ISBN 978-5-0070-6848-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

«Объект №0. Дата: 12 ноября 2012 года.

Плод появился в 14:02. Введение сыворотки «L-33» спровоцировало агрессивное слияние вирусных клеток и донорского биоматериала зараженных. Регенерация костных тканей началась через 14 секунд с характерным звуком деления клеток.

Объект начал очень быстро вырастать, быстрее чем обычные рождённые.

Примечание доктора Кирайя:> Вирус полностью поглотил органику, создав нечто новое. Она не просто обычная — она эволюция. Нам нужно оружие, которое искренне будет, верит, что оно — человек». Рождённая в крови, да прибудет с тобой тьма...

Глава 1. Настоящее

2034 год. Январь. Америка.

— Она очнулась. Приходит в себя после вечерней дозы...

Голос прозвучал слишком близко. Женский, резкий, без единой теплой интонации. Он буквально ударил по перепонкам, и сразу за ним к горлу подкатил тяжелый, кислый ком тошноты. А потом всё стихло. Наступила глухая, звенящая тишина, в которой каждая секунда тянулась бесконечно.

Веки были словно склеены или налиты свинцом. Я попыталась приоткрыть их, но мертвенно-белый свет ламп над головой сразу резанул по глазам. Изнутри век поплыли рваные багровые пятна. Пришлось зажмуриться, сжав зубы. В нос ударил густой, удушливо-сладкий запах каких-то дорогих цветочных духов. В этой стерильной комнате, насквозь пропитанной хлорофиллом, этот парфюм казался ядовитым. Из-за него в висках заворочалась глухая, давящая боль.

Вдох. Легкие свело спазмом. Выдох.

Тело оживало неохотно, дергаными рывками, будто под кожу пускали слабые разряды тока. Кости заняли первыми. Ощущение было такое, словно их все до единой раздробили в мелкую крошку, а потом наспех слепили обратно, оставив внутри миллионы мелких, готовых лопнуть трещин. В грудной клетке, глубоко под ребрами, не было привычного тепла — там гулял сквозной, могильный холод. Мышцы на

бедрах и предплечьях мелко, непроизвольно подергивались. По венам толчками, тяжело двигалась слишком густая кровь, и этот вязкий ритм отдавался тупой болью в корнях зубов. Мое тело существовало отдельно от меня. И оно было истощено до предела.

Страх не было, только тяжелое, свинцовое оцепенение. И абсолютная пустота в голове. Никаких воспоминаний. Ни имени, ни дома, ни единого лица из прошлого. Белый вакуум, посреди которого медленно раскачивался смутный женский силуэт.

Я попыталась шевельнуться, но запястья и лодыжки намертво держала грубая, жесткая ткань. Ремни. При малейшем натяжении они до крови впивались в кожу.

К лицу прикоснулись. Ладони были сухими, шершавыми от мозолей и пугающе ледяными. Женщина небрежно, откинула мои спутавшиеся волосы в сторону. Я заставила себя снова открыть глаза. Фигура уже отходила к длинному металлическому столу.

Я медленно огляделась. Комната была светлой и слишком пустой. Вдоль стен стояли мониторы и какое-то оборудование, издававшее тихий раздражающий писк. Холодный белый свет бил в глаза, делая все вокруг безжизненным. Прямо передо мной, почти во всю стену, тянулось темное стекло. В нем отражалась я сама — бледная, растерянная и какая-то чужая. И почему-то от одного взгляда на это стекло внутри возникло четкое ощущение, что за ним кто-то есть. Кто-то

стоит там и наблюдает за мной.

На инструментальной тележке тускло поблескивала хирургическая сталь. Ряды скальпелей, длинные иглы, шприцы. И то, от чего желудок сжался в тугой узел: массивные медицинские дрели и тяжелая пила с крупными, хищными зубьями. На металле виднелись разводы.

Женщина стояла спиной к тележке, листая что-то в планшете. Белый накрахмаленный халат, строгие черные брюки и туфли. Яркие, агрессивно-красные, на тонком высоком каблуке. Я перевела взгляд выше. Густые каштановые волосы без единой пряди седины, красивое, застывшее аристократичное лицо. Но руки... грубые, потрескавшиеся ладони чернорабочего совершенно не вязались с её ухоженным, холемым видом.

Наши глаза встретились. Она слегка приподняла уголки губ. Ей искренне нравилось то, что она видела перед собой.

— Как ты себя чувствуешь? Хорошо меня слышишь? Как зрение?

В горле стоял сухой, мешающий дышать ком. Мне пришлось с усилием протолкнуть воздух, чтобы выдать хриплый, царапающий звук:

— Кто... вы?

Голос был чужим. Слабым, надорванным и совершенно больным.

— Мое имя Елена. Я твой лечащий врач, — она продолжала держать улыбку, но мышцы на её шее заметно натяну-

лись. Ей не понравилось, что я начала с вопроса, а не с ответа на её команды. Она лгала. Это чувствовалось физически. Она была таким же врачом, как эта пила на тележке — просто инструментом для разделки плоти.

— Тело болит, — прошептала я, с трудом сглатывая горькую, вязкую слюну. — Вижу и слышу... хорошо.

Елена заметно оживилась, и на ее лице наконец появилось облегчение. Будто все это время она ждала именно этого момента — когда я смогу нормально отвечать и смотреть на нее осмысленным взглядом. В ее глазах читалась почти детская радость от того, что я функционирую должным образом.

— Скажите... — я торопилась, чувствовала, как сознание намеревается ускользнуть от меня. — Вы знаете, кто я? Зачем я здесь?

Планшет закрылся с коротким, хлестким щелчком. Женщина облегченно выдохнула. Мое беспамятство для нее было лучшим подарком.

— Я не могу ответить на это, — отрезала она. — Но скоро тебя освободят от ремней.

Снова ложь. Очередная порция. Менять фиксацию на свободу никто не собирался — меня просто переведут в клетку побольше или оставят здесь. Была ли я вообще когда-нибудь на свободе? Или меня по кускам сшили в этой стерильной коробке?

— Ты здорова. И полностью готова к следующему этапу лечения.

Она развернулась к выходу. Каблуки её красных туфель хищно, торжественно зацокали по гладкому кафелю.

— Это не лечение, правда? — мой голос прозвучал глухо и жестко.

Внутри внезапно всплыло знание, от которого горло сдавило судорогой: перед тем как окончательно прийти в себя, я долго, до безумия кричала. Я сорвала голосовые связки в этой самой комнате еще до того, как открыла глаза. Память мне стерли, но тело помнило свой первобытный ужас. Оно помнило боль.

— Еще лучше, чем я предполагала! — воскликнула она, даже не оборачиваясь.

Тяжелая дверь за её спиной закрылась с глухим, герметичным присосом. Писк приборов в тишине стал оглушительным, а воздух — едким.

Что они со мной сделали? И, что еще страшнее, что они сделают со мной на этом «следующем этапе»?

Глава 2. Прошлое

— Мама!

Голос сорвался на хрип уже на первом выдохе. Я металась по тесной бетонной коробке, которую комендатура выделила нам полгода назад. Плечами задевала мебель, ногами цеплялась за углы, а пальцами судорожно хватала воздух. Но сколько бы я ни пыталась вдохнуть поглубже, легкие оставались пустыми.

Шесть месяцев в Секторе 23. Полгода после того, как наш прежний 14 Сектор перестал существовать, а почти все наши соседи превратились в гниющий куски мяса. Я помню те стены. Они казались монолитными, вечными, пока в один из дней по бетону не поползли трещины со звуком рвущейся ткани. Сначала низкий, давящий скрип, а потом частый, дробный металлический стук. Будто десятки длинных когтей разом заскребли по обшивке барьеров с той стороны. И они прорвались внутрь.

Гули...

Заражённые когда-то люди. Кожа у тварей была полупрозрачной, тугой, сквозь неё отчетливо просвечивали чёрные вены, а слепые зрачки горели мутным красноватым огнем. Они почти ничего не видели, но идеально реагировали на любой шорох, на тяжелое дыхание, на стук сердца. Спрятаться от них было невозможно — они шли на тепло живого тела.

Даже если исход всегда был один — тебя кусали, заражали, и ты сам становился гулем. Все они были разными. Одни ограничивались укусом. Другие, обезумев от жажды крови, вгрызались в еще живое, пульсирующее тело человека и жадно выпивали его досуха, почти ничего не оставляя после себя.

Мы бежали по коридорам, пытались закрывать шлюзы и блокировать двери, но гули все равно пробирались внутрь. Они пролезали через вентиляцию, узкие проходы и любые щели. Будто всегда чувствовали, где прячется живой человек. Они двигались стаями — тихо, осторожно и слишком слаженно. Не как обезумевшие твари, а как хищники, точно знающие, что добыче уже некуда бежать.

Нас вывезли под конвоем в новый сектор, но этот скрежет когтей по металлу так и остался у меня в ушах. Я ловила его в каждом шорохе, в каждом скрипе половиц. Казалось, они затаились прямо здесь, в темноте за углом кухни, выжидая, когда я сделаю хоть один лишний вдох. Все эти полгода я жила в постоянном ожидании, что стены снова лопнут. Настоящая бомба замедленного действия внутри черепа.

— Юкки, тише. Что случилось? — дверь маленькой комнаты открылась, и ко мне быстро подошла мама.

Она была бледной, растрепанной после тяжелой смены. У неё наверняка самой до предела подскочило давление от моего крика, но лицо оставалось жестким и собранным. Она просто молча развела руки, и я с размаху уткнулась ей в пле-

чо, прячась, как в детстве.

От неё, как всегда, пахло сухим жасмином и горьким мятным чаем — этот запах всегда действовал на меня как тормоз. Мама была маленькой, почти на голову ниже меня, и мне пришлось сильно согнуть колени и сгорбиться, чтобы обнять её. Её плечи были теплыми, мягкими. Она всегда была такой хрупкой, домашней, что я порой не понимала, как она умудряется выживать в этом бетонном шлюзе. У неё не было никого, кроме меня. Мы держались друг за друга просто ради того, чтобы не сойти с ума.

— Всё нормально, маленькая моя. Всё хорошо. Мы в безопасности, здесь военные, никто не прорвался, — она размеренно, успокаивающе хлопала меня ладонью по лопаткам.

Паника медленно отпускала, оставляя только слабость. Я отстранилась, но мамину руку не выпустила — пальцы судорожно сжали её ладонь. Мы дошли до узкого диванчика, втиснутого между стеной и кухонным столом, и сели рядом.

Нам повезло с этой квартирой только потому, что мама была крупным специалистом. Её сразу забрали в центральный лабораторный комплекс Сектора 23. Нормальное жильё комендатура давала только тем, кто полезен правительству. На обычных беженцев ресурсы не тратили — их держали в общих бараках у промзоны под замком.

Мама была исследователем. Днями напролет ковырялась в зараженной крови, изучала мутации и строение клеток тварей. Она работала в закрытой группе, которая пыталась со-

здать хоть какую-то вакцину или биологическое оружие против заражения. Пока прорыва не было, но у неё в черновиках лежали схемы, к которым меня близко не подпускали. Высший уровень секретности.

Мы сидели в темноте, не разжимая пальцев. Из узкого кухонного окошка на линолеум падал резкий лунный свет. По приказу коменданта электричество и воду в жилых кварталах отрубали ровно в десять вечера и включали только в десять утра. Жесткая экономия.

За окном было тихо, лишь изредка с окраин доносился глухой стук далеких выстрелов и выли сирены. Наш дом стоял прямо на границе лабораторного сектора и военного городка. Там круглые сутки гоняли курсантов, так что грохот дизельных двигателей, лязг бронетехники и крики офицеров на плацу стали для нас привычным фоном.

— Мам... мы когда-нибудь уедем отсюда? Ну, туда, где не надо каждую секунду ждать тревоги?

Это был скорее выдох, чем вопрос. Мама ничего не ответила, только сильнее сжала мои затекшие пальцы. Мы обе смотрели в стекло на луну — огромную, желтую, неестественно яркую.

— Наверное, когда-нибудь всё это кончится, Юкки. Главное — не теряй надежду. Пока мы вместе, мы как-нибудь выгребем. Слышишь?

— Мне страшно, мам. Но я держусь. Потому что ты рядом.

Она повернулась, и в блеклом свете я увидела, как угол её губ дернулся в слабой улыбке.

— Я сегодня задержалась на объекте, — улыбка тут же пропала, лицо мамы мгновенно стало сухим и строгим. — Ты укол сделала?

— Да, — я знала этот тон. Когда дело касалось моих шприцев, которые я колола с раннего детства, мама превращалась в надзирателя. Для неё это был вопрос жизни и смерти, доза должна была войти в кровь строго по минутам. — Всё сделала. Как по часам.

Мама тяжело, с присвистом выдохнула и снова отвернулась к окну.

— Тебе нельзя быть беспечной, — тихо обронила она. Я просто кивнула.

Мы просидели на этом диване еще около часа. Ни о чем не говорили, просто грели ладони друг друга и смотрели на пустые, залитые лунным светом улицы за стеклом.

Глава 3. Настоящее

Дверь бесшумно открылась, и в комнату вошли трое сотрудников. Двое мужчин и женщина. Белые халаты, латексные перчатки и прозрачные защитные шлемы придавали им слишком стерильный и безликий вид. Сквозь пластик были видны их лица — спокойные, сосредоточенные, привыкшие смотреть на людей как на часть своей работы.

Тело среагировало быстрее разума: я вжалась в операционный стол, по коже прошёл ледяной град мурашек. Сердце бешено заколотилось о ребра.

— Хорошо, что она очнулась быстрее остальных. Начнем с неё, — голос мужчины из-под шлема прозвучал глухо.

Пока он говорил, двое других подкатали металлическую каталку. Ту самую. С инструментами. «Быстрее других?» — пульсировало в висках. Сколько же нас здесь в действительности? Сколько таких комнат скрывает этот ад?

— Вводим препарат. Начнем сразу, как только он усвоится, — распорядился тот же мужчина. Он сухо диктовал каждое действие на карманный диктофон.

Если он распоряжается и отдаёт приказы, это может означать только одно, он здесь главный.

Я хотела заставить себя не смотреть на них. Хотела исчезнуть, раствориться, не быть привязанной к столу и не видеть, что они собираются со мной делать. Но глаза отказывались

подчиняться — взгляд словно приклеился к каталке. Я неотрывно наблюдала, как они выкладывают на лоток большой нож, маленькую бензопилу, мелкие шприцы и несколько пустых пластиковых контейнеров.

Тот, что заговорил первым, подошел вплотную. Из кармана халата он достал новый шприц и запаянную ампулу с густой красной жижой, похожей на застоявшуюся кровь.

Он собирается вколоть это мне?

— Что это? — мой голос не дрожал, он просто застыл от предельного напряжения.

— Лекарство, — ехидно бросил он.

Значит, точно не лекарство. Ложь.

Я не моргала ни секунды, фиксируя каждое его движение: вот он с сухим щелчком ломает горлышко ампулы, достает шприц из упаковки и набирает вещество. Отмерил нужную дозировку. Сделав два шага в мою сторону, он подошел к столу, бесцеремонно взял мою правую руку, прощупал вену на сгибе локтя и вогнал иглу под кожу.

Тело отреагировало мгновенно. Кровь в сосудах будто сразу стала гуще и потекла с колоссальным трудом. От этого сердце забилося очень медленно, нанося редкие, тяжелые удары. Было ощущение, что я умираю, но сознание оставалось чистым.

Введенное вещество меняло саму структуру клеток. Кости внутри мяса стали ощущаться по-другому, наливаясь странной плотностью. А само тело, наоборот, стало невесо-

мым, будто я превратилась в облако.

— Пять минут, и можем начать третью часть, — мужчина посмотрел на коллег. Те молча кивнули шлемами.

— Что вы намереваетесь делать?

Организм забило в сильной дрожи. Я не могла контролировать собственное тело. Зубы начали звонко стучать друг о друга, а глаза сами собой закатывались назад, открывая белки.

— Что... со... мной...

— Сейчас пройдет, — холодно ответил мужчина.

Судороги продолжались недолго, вскоре ко мне вернулся полный, неестественный покой. Они к чему-то подготовили мое тело, и это «что-то» явно должно было стать кошмаром.

— Можем начать, — мужчина, вколовший вещество, посмотрел на темное стекло в стене. Он коротко кивнул и дал указание остальным двум начинать.

Я повернула голову к стеклу. Возможно, мне померещилось от препарата, но в густой темноте за ним я заметила смутные очертания трех человеческих тел. Нечеткие, размытые, но они были там. Хотя до этого момента я не видела там ничего, кроме пустоты.

Женщина-ассистент отошла чуть в сторону, после того как они приготовили инструменты. Она взяла в руки планшет и начала фиксировать весь процесс — то ли записывала данные, то ли снимала на камеру.

Второй мужчина перешагнул через кабели и встал слева

от стола. Он принялся методично проверять плотность ремней на моих руках и ногах, затягивая их крепче.

Последний, главный, взял в руки щипцы и подошел ко мне с правой стороны.

Я перестала дышать и полностью окаменела. Я видела, как его ладонь в латексной перчатке грубо берет мою кисть и изолирует один палец. Тело больше не дрожало. Разум приготовился к боли.

— Начнем с ногтя.

Мужчина перехватил щипцы поудобнее и без малейшего колебания вырвал мой ноготь с корнем. Шок дошел до головы не сразу, с секундным опозданием. А когда дошел — я закричала. Не теряя времени, он принялся методично рвать все ногти на моей правой руке, один за другим. С каждым разом из моего горла вырывался новый хриплый крик.

— Она начала понемногу генерировать, — он повернулся к стеклу и указал инструментом на мою сочащуюся руку.

Что? Какая регенерация?

В черепной коробке стоял такой сильный шум, что я едва разбирала его слова. Но это было только начало. Дальше меня ждал настоящий ад.

Получив какой-то знак из-за стекла, мужчина отложил щипцы и взял в руки маленькую бензопилу. У меня до предела расширились глаза. Во рту мгновенно скопилась горькая слюна, но я нашла в себе силы открыть рот и закричать так сильно, как только могла:

— Нет!!

Тело в ту же секунду дико задергалось на столе, но ремни держали намертво, врезаясь в плоть.

— Угомонись. Сделаешь себе еще больнее, — я рефлексивно повернула голову влево, впервые услышав голос второго мужчины.

Сквозь мутную пелену перед глазами я посмотрела на него. Возможно, мне просто показалось, но за прозрачным пластиком шлема в его взгляде мелькнуло что-то похожее на сожаление. Я попыталась открыть рот, сказать хоть слово, но не успела.

Комнату разорвал резкий визг пилы.

В следующую секунду правую ногу пронзила ослепляющая боль. Не острая, а тяжелая, раздирающая, как будто кость перемалывали прямо внутри тела. Крик вырвался сам собой, такой громкий, что смотровое стекло в конце комнаты дрогнуло.

Все трое сотрудников одновременно повернулись к темному стеклу.

— Слишком высокая реакция на болевой порог, — напряженно произнес один из мужчин.

Я почти не слышала их. Взгляд был прикован к собственной ноге. Ниже колена ее не было. Из рваной раны хлестала кровь, быстро растекаясь по металлическому столу.

Горло снова сорвалось на крик.

Боль.

Боль заполнила все тело, вытеснив мысли, воздух и даже время. Мышцы горели, кости словно продолжали ломаться снова и снова. Перед глазами все плыло. Во рту скопилась вязкая слюна, а сознание то проваливалось в темноту, то резко возвращалось.

Я не понимала, как вообще осталась жива.

— Началось восстановление тканей, — теперь в их головах не было ни растерянности, ни страха.

Шок прошел слишком быстро. Они снова смотрели на меня как на объект исследования, а не как на человека.

Мужчина, отложив пилу, взял нож и перешел на левую сторону стола, где я лежала, распластанная как подопытная крыса.

— Прошу... — сипя сорванными связками, я умоляюще посмотрела на его шлем. — Прошу... не... на... до.

Он не ответил. Даже не поднял взгляда на мое лицо. Все его внимание было приковано исключительно к моей левой руке.

Нет. Нет. Нет.

Почему я? Почему именно я должна всё это терпеть?!

Я начала кричать еще до того, как сталь коснулась кожи. Я беспомощно смотрела, как он отсекает часть моей руки и небрежно бросает плоть в пустой пластиковый контейнер. Во втором уже лежала моя отрубленная нога.

Меня вывернуло желчью. Я кричала, билась всем телом, задыхалась от нехватки воздуха в этой коробке и снова кри-

чала.

Кричала и кричала, пока они методично резали меня на куски. Разум окончательно потерял ориентиры: где я, кто я, зачем всё это происходит? Реальность стерлась, превратившись в кошмарный сон, в серый туман, который медленно убаюкивал меня в своих объятиях.

Дальше я видела всё сквозь пелену слез и тупую вялость. Слышала, как мужчина говорит, что день удачный, показатели отличные и ткани на руке уже начинают затягиваться и расти заново. Мне хотелось посмотреть на свои искалеченные руки и ноги, но я не могла сделать ничего. Ни пошевелиться, ни вдохнуть, ни сгнуть слюну, ни моргнуть. Всё тело полностью отказало от пережитого ужаса, судорог и криков. Кажется, от болевого шока я еще и непроизвольно описалась — под спиной всё было мокрым от смеси жидкостей и слез.

Когда сознание почти полностью покинуло меня, до слуха донесся далекий, глухой шум открывающейся и закрывающейся гермодвери.

Пусть я просто умру... — это было последним, чего я хотела, перед тем как провалиться в полную темноту.

Глава 4. Прошлое

— Я опаздываю на работу! — мамин голос доносился из прихожей, перекрываемый шорохом одежды. Она в панике металась по квартире, пытаясь одновременно застегнуть манжеты куртки и отыскать вечно пропадающую сумку. — Завтрак на столе. Не забудь про лекарство, и тебе еще нужно идти на встречу.

— Мама, я знаю. Мне же не пять лет, — я невольно улыбнулась, когда она, припрыгивая на ходу, подскочила ко мне.

Её ладонь привычно легла на мой затылок, притягивая к себе, и губы коснулись лба — быстрый ритуал, который повторялся каждое утро.

— Знаю, что не пять, — она отстранилась, ласково заглядывая мне в лицо. Её карие глаза сегодня казались непривычно теплыми и чистыми, без той давящей затаенной тревоги, которая обычно съедала её изнутри. Значит, настроение у неё было хорошим. — Просто я не могу не беспокоиться. Сама знаешь, какое у тебя хрупкое здоровье.

Она еще раз коротко улыбнулась, шутливо отсалютовала мне кончиками пальцев и выскочила за дверь. Щелкнул автоматический замок, отрезая квартиру от внешнего мира.

На кухне ждала тарелка с остывающей овсянкой и аккуратно нарезанные дольки яблок. Но прежде чем садиться за стол, нужно было смыть с себя остатки сна и запустить сти-

ральную машину.

В ванной комнате было сыро и прохладно. Старая пижама отправилась в корзину для белья, следом полетели заколки, и тяжелые волосы рассыпались по плечам. Я повернула тугой кран до упора. Воде требовалось время, чтобы согреться, и, пока по кафелю расползлся первый робкий пар, я взяла зубную щетку.

Над раковиной висело небольшое зеркало. Из него на меня смотрело собственное отражение — блеклое, выцветшее. На фоне мамы я выглядела пугающе белой. Настоящий альбинос, белый лебедь, которого по ошибке заперли в этом бетонном секторе. Длинные пряди лезли в глаза — синие, глубокие, но совершенно пустые, лишённые той живой искры, что горела в мамином взгляде. И рост. Я была неестественно высокой для нашей национальности. Мы были родом из Азии, хотя сейчас жили в Америке. Мама рассказывала, что они с папой перебрались сюда, в Сектор 14, в тот самый день, когда её приняли на работу в местный исследовательский центр.

Папу я совсем не помнила. Но мама всегда говорила, что я пошла в него — и лицом, и высоким ростом.

Воздух в ванной стал плотным. Горячий пар осел каплями на стекле, и, шагнув за пластиковую шторку душа, я подставила голову под струи. Я старалась мыться как можно быстрее, экономя каждую каплю: воду в секторе растрачивать не стоило.

Стянув влагу с тела полотенцем, я натянула свободные серые брюки и плотную черную водолазку, снова перехватила волосы заколкой на затылке и вышла на кухню.

Каша казалась безвкусной, но я заставила себя проглотить завтрак, запивая его крепким черным чаем без сахара. За стеной мерно, с тяжелым надрывом гудела стиральная машина. На кухонной стене монотонно, как метроном, отсчитывали секунды старые часы.

А за окном уже всюду гремел город. Люди спешили по делам: кто-то на работу, кто-то на встречи, кто-то пытался дойти до редких островков зелени в парке. Коробка сектора была забита до отказа. Порой мне становилось по-настоящему жутко: если внешние стены снова дадут трещину, как в Секторе 14, эта скученность превратит эвакуацию в кровавую давку. Нас просто растопчут до того, как доберутся гули.

Я резко тряхнула головой, прогоняя наваждение. *Думай о хорошем. Только о хорошем.*

Машинка щелкнула, подавая сигнал об окончании стирки. Я поднялась, вымыла чашку, мысленно досчитала до десяти и привычным движением вогнала в бедро иглу шприца с утренней дозой лекарства. Кожу обожгло, но боль быстро притупилась. После этого я пошла развешивать влажное белье.

Когда все дела были закончены, я вернулась в маленькую гостиную и взглянула на часы — время поджигало. Мне предстояло встретиться с подругой моей мамы. Натя-

нув кроссовки, я перекинула через плечо ремешок небольшой сумки, забрала ключи со стола и на секунду замерла у двери. Из соображений безопасности я заперла замок на два оборота ключа. Глупо, конечно, в охраняемом секторе, но так мне казалось спокойнее.

Спускаясь по бетонной лестнице, я кожей ощущала вибрацию здания. Стоило выйти на улицу, как в лицо ударил тяжелый, запыленный воздух. Мимо шуршали колесами бронированные военные грузовики, поднимая серые клубы с выбитого асфальта. Я тут же достала из кармана плотную маску и натянула на лицо, спасаясь от удушливой взвеси.

Нужное мне здание находилось всего в паре кварталов в правой стороне улицы. Чтобы заглушить уличный гул, я натянула капюшон куртки пониже и прибавила шаг. Мой слух сегодня был обострен до предела, превращаясь в пытку. Я слышала всё: как шуршит гравий под чужими подошвами, как трещат крылья испуганных птиц на карнизах, как скрежесут тормоза тяжелой техники на дальнем КПП. Эти звуки проникали глубоко в череп, мешая дышать и сбивая с мыслей. Обычный городской шум не давал мне покоя.

Чтобы избавиться от этого грохота, я почти перешла на бег. Сердце колотилось в горле, пока впереди наконец не показались серые очертания нужного комплекса. Я задышала чуть легче и сбавила темп.

Внутри меня сразу встретил пожилой охранник. Он хорошо знал меня в лицо, потому что я бывала здесь почти каж-

дый день.

Этот центр построили специально для жителей нашего комплекса. Место было универсальным: здесь обустроили детскую игровую зону, общую столовую, подземный тир, комнаты для переговоров и зал с большим телевизором для просмотра фильмов. Но больше всего времени я проводила в местной небольшой библиотеке.

— Здравствуй, Юкки. Как всегда, в библиотеку? — мужчина приветливо улыбнулся, поправляя форменную разгрузку.

Я улыбнулась ему в ответ. Мне всегда нравился этот старик — добрый, учтивый, он тонко чувствовал чужое настроение, и говорить с ним было легко.

— Нет, — ответила я, остановившись в шаге от его стойки. — Встречаюсь с Лилианой. Она пригласила меня на кофе.

— О, это хорошее дело. Ну тогда не буду тебя задерживать, дорогу ты и сама знаешь, — он кивнул.

Я полезла в карман куртки, достала оттуда мятную конфету и протянула ему на ладони.

— Спасибо, — старик смущенно принял угощение и спрятал в карман брюк. — Ты только воспользуйся лестницей. Лифт сегодня с утра что-то барахлит, проводка отсырела.

— Хорошо.

Мы перекинулись еще парой дежурных фраз, и я пошла в

левое крыло здания, где за тяжелой дверью скрывался лестничный пролет. Этой лестницей почти никто не пользовался — ступени были грязными, на металлических перилах лежал густой слой пыли. Люди предпочитали лифт. Им нравилось пользоваться им, ведь это возвращало иллюзию прежнего, нормального прошлого, где лифты были в каждом высотном здании.

Я быстро поднялась на третий этаж. Стоило толкнуть массивную створку, как я оказалась в длинном, пустом коридоре. Мои шаги гулко, отчетливо разносились под потолком — никаких других звуков здесь не было. Дойдя до самого конца, я потянула на себя знакомую ручку и вошла внутрь.

В комнате было просторно: стояли массивные кресла и столы с шахматной разметкой. Окна были распахнуты настежь, впуская внутрь прохладный воздух, но стоило маминей подруге заметить меня, как она тут же поднялась и плотно притворила раму. Я благодарно кивнула ей, пересекла комнату и опустилась в глубокое кресло.

— Я уже попросила Сюзи принести нам две чашки, — голос Лилианы звучал мягко и привычно.

Она вернулась на свой стул. Лилиана тоже была родом из Азии, но с сильной примесью местной крови — черты лица казались почти американскими, и только разрез глаз выдавал наше происхождение. Её черные волосы сегодня были уложены в высокую, сложную прическу и заколоты длинной костяной шпилькой. На веках темнели тени, а губы были на-

крашены яркой помадой точно в тон её строгому красному платью.

— Откуда? — я выразительно указала пальцем на её губы.
— Где достала?

— Мне её принесли на днях. Очень хороший друг мужа,
— Лилиана слегка зарделась, её осанка тут же стала неестественно прямой.

— Покажешь потом?

Дверь коротко скрипнула, и в комнату вошла Сюзи. В руках она держала пластиковый поднос с двумя чашками кофе и тарелкой сухого печенья. Без единого слова она подошла к нашему столу и аккуратно расставила чашки, убрав в сторону деревянные шахматные фигуры. Нам они были не нужны — мы никогда не играли, а встречались только ради разговоров.

— Спасибо тебе, Сюзи, — тихо сказала Лилиана.

Женщина молча кивнула и так же бесшумно, как вошла, скрылась за дверью.

— Она снова молчит? — я проводила её взглядом, пока пластиковая створка не захлопнулась окончательно.

— Да, — Лилиана грустно улыбнулась, опустив глаза. — После смерти мужа и ребенка она не проронила ни слова. Иногда кричит по ночам от кошмаров, но это всё. Жаль её.

— Мне тоже жаль.

Я обхватила пальцами теплую чашку, чувствуя, как металл делится согревающим теплом с ладонями. На самом де-

ле я не любила кофе — его горький вкус мне не нравился, но я всегда пила его за компанию. Для Лили этот напиток был своеобразным ритуалом памяти о её собственных детях, погибших в первые дни войны с гулями.

— Как ты поживаешь в последнее время? — я перевела взгляд на её лицо.

— Хорошо. Но уши сегодня чувствительнее, чем обычно, — я сделала маленький глоток и невольно поморщилась от горечи, тут же откусив кусок сладкого печенья, чтобы перебить вкус.

— Не забыла про утреннее лекарство? — Лилиана прищурилась.

Я коротко усмехнулась: — Ты сейчас звучишь точь-в-точь как моя мама.

— Ну а как ты хотела? Это моя обязанность, — она тоже отпила из своей чашки и блаженно прикрыла глаза.

— Я всё приняла. Ты же знаешь, Лили, я колю себе эти инъекции каждый день с самого детства. Даже если бы я очень захотела забыть, организм бы мне не позволил.

— Мы просто волнуемся. Мне бы не хотелось снова видеть тот панический ужас на лице твоей матери, какой был, когда ты однажды чуть не пропустила время укола, — Лили мягко улыбнулась.

— Да, я знаю. Спасибо за заботу, со мной всё будет в порядке.

— Конечно, дорогая, — она сделала небольшую паузу,

устраиваясь в кресле поудобнее. — Ну а как твои дела? Приняли тебя в академию? Тебе ведь на прошлой неделе исполнилось двадцать.

— Пока нет ответа. Мама сказала, что официальное письмо должно прийти со дня на день. Но я... — я осеклась, не договорив фразу.

— Что такое, Юкки? — Лилиана отставила свою кружку на поднос, потянулась через стол, перехватила мою ладонь и крепко сжала её своими пальцами.

— Не знаю. Может быть, я ошибаюсь...

— Ты никогда не ошибаешься в своих предчувствиях. О чем ты думаешь?

— У меня такое чувство, будто очень скоро я окажусь в каком-то совсем другом, совершенно незнакомом мне месте.

Это были те самые мысли, которые не давали мне спать последние несколько ночей. Лилиана призадумалась, её веки дрогнули. Я физически ощутила, как её ладони начали быстро остывать, хотя в комнате было тепло.

— Лили? — позвала я её после затянувшегося молчания.

— Ой, прости, Юкки, задумалась немного, — на её лицо тут же вернулась привычная улыбка, но теперь она казалась натянутой, искусственной.

— Ты в порядке? — спросила я, вглядываясь в её глаза.

— Да. С чего ты взяла, что будешь в незнакомом месте, а не в нашей академии?

— Просто так... не знаю. Наверное, глупости. Не бери в

голову.

— Хорошо, — она плавно убрала руки, возвращаясь к своему кофе.

— Лили, а чем ты сейчас занимаешься на работе? — я посмотрела прямо на неё, пытаюсь уловить хоть какое-то изменение в её взгляде.

— Тем же, чем и всегда — нянчусь с детьми в жилом блоке. А почему ты спрашиваешь?

— Да так, — я улыбнулась.

— Ну же, говори.

— У твоей подопечной ведь скоро будет пополнение в семье? Ей скоро рожать?

— Ну ты даешь. Твоя эта интуиция иногда пугает меня сильнее, чем нужно, — хотя из её уст вылетели эти слова, на её лице не было ни капли удивления или испуга. Лилиана давно привыкла к моим странным догадкам.

— Значит, это правда? — я заметно воодушевилась. В последние годы рождаемость в секторах упала почти до нуля — люди панически боялись заводить детей, зная, что за внешними стенами бродят гули.

— Да, ты права. У Мирабель скоро родится девочка. Нужно будет потом собрать вещи и поздравить её.

— Конечно.

— Лучше расскажи, как у тебя дела с Алексом?

— Лили...

— Что «Лили»?

— Ты же прекрасно знаешь, что я не люблю говорить на эти темы, — я тяжело выдохнула, отводя взгляд к окну.

— Но мне ведь так интересно...

В кармане брюк резко, коротко зажужжал мобильный телефон.

— Подожди...

Лилиана замолчала, внимательно наблюдая за тем, как я достаю аппарат и снимаю блокировку. На экране светилось текстовое сообщение от мамы.

Мама: Ты должна немедленно вернуться домой! Прямо сейчас. Жду тебя. Будь очень осторожна по дороге...

— Лили, прости, мне нужно срочно идти, — я резко поднялась с кресла, на ходу сгребая вещи в сумку, и быстрыми шагами направилась к выходу.

— Всё хорошо? — Лилиана тоже встала со своего места, провожая меня тревожным взглядом.

— Не знаю. Но у меня очень плохое предчувствие.

— Будь осторожна! — крикнула она мне вслед, когда я уже выбежала в пустой коридор и бросилась вниз по грязной лестнице.

Пусть всё будет хорошо. Мама, я иду...

Глава 5. Настоящее

— Доброе утро.

Меня разбудили насильно. Сознание выдернули из глубокого сна резко, с треском, словно тараном вышибли дверь. Первые секунды я не могла открыть веки. Не могла пошевелиться, дернуть рукой или ногой — мышцы были как чужие. А потом в темноту памяти лавиной ворвалось воспоминание о том, что они со мной вытворяли. Горло сжалось, и я закричала.

— Это хороший признак, — чужой, незнакомый голос прозвучал совсем рядом.

— Почему? — отозвался второй. Женский. На этот раз другой.

— Она помнит, что случилось. До этого её мозг блокировал шок, и субъект забывал всё, что с ним делали на операционном столе.

— И что это значит? — недоуменно переспросила женщина.

— Это значит, что нервная система адаптируется. Она становится сильнее. Да и регенерация у неё идет быстрее и качественнее, чем у остальных образцов.

— Это хорошо?

— Это отлично, — в голосе мужчины слышалась ядовитая, торжествующая радость. — Я знаю, что ты просну-

лась. Открывай глаза и взгляни на себя.

Это был короткий, сухой приказ. Я заставила себя поднять веки. Поначалу всё плыло, но вскоре зрение сфокусировалось на мужчине и женщине. Оба в белых застегнутых халатах, они стояли у изножья стола и спокойно обсуждали меня, словно график поставок.

— Что... — мой собственный голос показался мне неузнаваемым, хриплым и надтреснутым.

— Посмотри на своё тело, — мужчина небрежно указал на меня ладонью в перчатке.

Я опустила взгляд вниз, и из горла снова вырвался дикий, неистовый крик.

— Что это за жесть... — я осеклась, инстинктивно прикусив язык. Внутри черепа похолодело: откуда в моей пустой голове вообще взялись эти слова?

— Нравится результат? — мужчина спросил это без особого интереса, глядя не на меня, а на свою спутницу — молодую женщину-лаборантку. Та молча кивнула.

Я смотрела на себя и не верила собственным глазам. Моё тело было целым. Совершенно целым. Из-под фиксирующих ремней виднелись две здоровые ноги и руки. Кожа была чистой — ни проколов, ни разрезов, ни рваных краев плоти. Кровь больше не текла толчками на металл, суставы были на месте.

Как такое возможно после того, что произошло?

— Как это? — я сипло выдавила из себя звук, заставляя

их обернуться.

Мужчина уже открыл рот, чтобы ответить, но в эту секунду внутри меня что-то щелкнуло. Предчувствие, которое мучило меня раньше, обострилось до предела, превратившись в физическое ощущение. Я вдруг отчетливо поняла его мысль до того, как он произнес первое слово. Мозг сам выстроил ответ, опираясь на всплывшее из подсознания знание.

— Регенерация... — ответила я сама себе.

Мужчина вдруг заулыбался и несколько раз звонко хлопнул в ладоши — точно маленький ребенок, которому наконец-то подарили желанную игрушку.

Я перевела взгляд на женщину, стоявшую чуть позади него. От неё исходило странное, удушливое ощущение. Мой измененный спектр восприятия уловил мерзкую, липкую ауру, похожую на склизкую болотную жижу. Я физически почувствовала её намерение: эта женщина хотела забрать меня в свой сектор, запретить в своей лаборатории и единолично владеть этим результатом. От этого ментального запаха к горлу подкатила тошнота.

— Что такое? — исследователь заметил мой фиксированный взгляд и повернулся к коллеге.

— Она... — я с трудом сглотнула вязкую слюну. — Хочет мной владеть.

У женщины от удивления округлились глаза. Она резко отшатнулась назад, едва не потеряв равновесие на своих

неестественно высоких каблуках.

— Ты видишь её намерения? — мужчина мгновенно по-
добрался, в его голосе прорезался сухой научный азарт.

— Я ощущаю.

— Потрясающе. Думаю, со временем эта способность
уплотнится, и ты сможешь считывать действия наперед.

Мне это не надо, — подумала я, но вслух не произнесла
ни звука, просто крепко сжав зубы.

— Ты получилась самой сильной из всей серии. *Он* будет
удовлетворен результатом, — мужчина переводил взгляд с
меня на лаборантку.

Лица, лица, лица... Их было слишком много в этой сте-
рильной коробке.

— Профессор, нам пора идти, — женщина быстро взяла
себя в руки, её голос снова стал сухим. — Вы убедились в
своей теории относительно субъекта?

— Разумеется. Она, — он ткнул в мою сторону указатель-
ным пальцем, — станет самым эффективным оружием про-
тив гулей. Но нам понадобится еще несколько промежуточ-
ных экспериментов.

Меня резко зазнобило, по телу прошла крупная дрожь.

— Проверим еще пару рабочих гипотез, и после этого
можно будет запускать финальный этап, — мужчина говорил
с таким воодушевлением, словно я была ценным трофеем, а
не живым человеком.

Они снова будут резать меня на куски? Или придумали

что-то похуже? И главный вопрос, который выжигал изнутри: а была ли я вообще когда-нибудь человеком?

Они поговорили еще пару минут, но я больше не издала ни звука. Закрыла глаза, заставляя себя дышать медленно, очень медленно.

Разум отказывался принимать то, что тело снова в порядке. Тот ад, который со мной устроили вчера — а вчера ли это было? — казался нереальным. Я ведь искренне хотела содохнуть на этом столе. Просила об этом. Но я была жива, я дышала, видела, а мои чувства обострились до такой степени, что теперь я кожей впитывала чужие мысли и мотивы. Зачем им этот навык? Как умение читать намерения может помочь в сырых руинах против безумных, ведомых голодом гулей? Они ведь не думают, они просто рвут плоть.

До слуха донеслись тяжелые шаги, шуршание халатов, сухой щелчок и резиновый присос гермодвери. Я осталась одна в этой белой коробке. Так было лучше. В одиночестве, без них и их жужжащих инструментов.

В тишине в голову полезли примитивные мысли. Когда я в последний раз ела? Пила воду? Как мой организм справлялся с элементарными физиологическими нуждами, если я постоянно привязана к этой клеенке? Осталось ли во мне хоть что-то человеческое, или внутренности тоже заменили на искусственные механизмы?

Время потеряло счет. Кажется, прошел день, а может, и больше. Сознание то проваливалось в глухое небытие, то

снова возвращалось к реальности. Всё это время в камеру никто не входил. Они просто сидели там, за темным стеклом, и молча наблюдали. Я видела размытые контуры их силуэтов в зеркальном отражении.

...

Меня снова разбудили. Грубо, резким толчком в плечо. В этот раз я смогла быстрее открыть глаза и разглядеть тех, кто стоял надо мной. Тело больше не болело, но по коже волнами побежали предсмертные мурашки. Отросшие белые волосы снова лезли в лицо, мешая обзору. Чья-то рука в латексе грубо отодвинула пряди от моих глаз, и я встретила взглядом с мужчиной, который в прошлый раз резал мою плоть, как булку свежего хлеба.

— Пора снова начинать, — произнес он.

В прошлый раз из-за болевого шока я не разглядела детали, но сейчас мой взгляд четко зафиксировал вышитую эмблему на груди его халата. Надпись гласила: *«Доктор Элиот»*.

Это был не доктор. Это был монстр. И самое страшное — я понимала, что теперь я становлюсь точно таким же монстром, как и он.

— Пора переходить к следующему этапу, — Элиот повернулся к своему ассистенту.

В этот раз их было только двое. Женщина в комнату не вошла.

Я попыталась сконцентрироваться на фигуре Элиота, что-

бы считать его мысли, но вместо образов меня буквально захлестнуло удушливым ощущением чего-то кислого, гнилого и разлагающегося. Запахло сырой землей и несвежим мясом. Мои обострившиеся чувства выдали четкий ответ.

Это пахло смертью. Настоящей, близкой смертью.

Я закричала. Оба исследователя тут же замерли и уставились на меня. Элиот остался абсолютно спокоен, а вот лаборант помоложе испуганно выпучил глаза под прозрачным пластиком шлема. Они явно не ожидали от меня такой мгновенной и осознанной реакции.

— Нет! — голос почти пропал, связки были сорваны, но мне удалось протолкнуть воздух через силу. В горле невыносимо першило, звуки царапали нёбо, будто я глотала битое стекло. — Нет! Прошу вас, не надо!

Я принялась неистово мотать головой из стороны в сторону, пытаясь сбросить чужие пальцы со своего лица.

— О чем ты думаешь? — Элиот сделал шаг вперед, наклоняясь ближе к столу. Его тон был ровным, будничным.

Он понял. Понял по моему взгляду, что я разгадала их план на этот цикл.

— Вы... — я тяжело, с трудом сглотнула горькую слюну. — Вы хотите меня убить?

Лицо Элиота под шлемом не дрогнуло, а вот молодой ассистент буквально подпрыгнул на месте от неожиданности. Он не был готов к тому, что подопытный объект так четко считает их задачу. Но от обоих по-прежнему шел этот невы-

носимый, тошнотворный запах гнили.

— Запиши эти данные, — сухо скомандовал Элиот, не оборачиваясь. — Субъект начинает активно проявлять эмпатические способности и считывать намерения. С каждым часом адаптация идет быстрее. В скором времени мы сможем увеличить дозировку и ввести новый препарат.

Привычным движением он извлек из глубокого кармана халата шприц и новую запаянную ампулу с темной жидкостью. Подошел к правой стороне стола, бесцеремонно перехватил мою руку чуть выше запястья и прощупал вену.

— Что это? — в прошлый раз мой вопрос проигнорировали.

Губы Элиота оставались плотно сжатыми, а значит, и сейчас ответа не будет. Тогда он назвал это «лекарством», но это была очередная порция лжи для отчета.

— Записал? — бросил Элиот ассистенту, с силой загоняя иглу в вену на изломе локтя.

— Да, сэр, — коротко отозвался тот, быстро стуча пальцами по экрану планшета.

Игла вошла глубоко, и почти сразу по предплечью разлилось уже знакомое тепло. Но в этот раз оно было в разы мощнее. Намного агрессивнее. Сначала по сосудам словно пустили волну кипятка. Я физически чувствовала, как это вещество продвигается по кровотоку — медленно, с трудом, будто густой, вязкий огонь растекается по моим внутренностям. Сердце сделало один тяжелый удар и резко замедлилось.

С каждым новым циклом оно почти полностью останавливалось, замирая на долгие секунды.

Каждый редкий удар отдавался в грудной клетке глухим, болезненным толчком. Мышцы на ногах и животе напряглись сами собой, превратившись в камень. Я чувствовала каждое отдельное волокно в своем теле — как они судорожно сжимаются, дрожат, пытаюсь вытолкнуть, сжечь это чужеродное тепло.

Воздух в камере внезапно стал слишком плотным, горячим, его не хватало. До слуха доносилось собственное дыхание — редкое, свистящее, тяжелое. В уши вернулся тонкий, сверлящий писк, но теперь он был оглушительным, словно внутри черепа до предела натянули металлическую струну, готовую вот-вот лопнуть.

Кожа стала сверхчувствительной. Я ощущала каждую микроскопическую деталь: ледяной холод стального стола под лопатками, грубое давление брезентовых ремней на запястьях и даже едва заметное движение воздуха от вентиляционной решетки над головой.

Вещество продвигалось всё дальше, проникая в самые глубокие ткани.

Я чувствовала, как замедлившаяся кровь с трудом ползет по венам, как сердце жадно, толчками втягивает её в себя и с силой выталкивает обратно. И вместе с этой болью приходило странное, пугающее ощущение... будто моё тело просыпается. Но просыпается уже не человеческим. Оно пере-

страивалось.

В какой-то момент судорога отпустила. Всё разом затихло. Я сделала один глубокий, хриплый вдох и выдохнула. Вещество полностью растворилось, соединилось с моей кровью, с моими клетками. Стал со мной единым целым.

Все мои физические реакции ассистент методично заносил в базу данных планшета. А Элиот просто стоял рядом, выжидая, пока организм полностью стабилизируется после инъекции. Он смотрел на меня и улыбался.

— Всё готово, — Элиот повернулся лицом к черному смотровому стеклу. Коротко кивнул наблюдателям и снова повернулся ко мне.

Я смотрела на него в упор, не моргая.

— Не надо... — мой голос вдруг стал абсолютно спокойным, тихим, но глубоко внутри всё сознание выло от ужаса и дрожало. — Не...

Во рту снова скопилась вязкая слюна. Элиот пристально разглядывал моё лицо. В его глазах за прозрачным пластиком шлема читалось дикое, фанатичное ожидание, трепет и яркое, почти безумное возбуждение ученого. Я попыталась еще сильнее вжаться в металлическую станину стола, но отступать было некуда.

Пусть я просто умру, если они выстрелят мне в голову. Господи, пусть я умру... я больше не выдержу этой боли.

— Начнем, — коротко бросил он.

Второй мужчина быстро вышел из комнаты и вернулся

ровно через минуту. В его руке, обтянутой латексом, тускло поблескивал тяжелый армейский пистолет.

Я резко, изо всех сил замотала головой. Длинные белые пряди лезли в глаза, липли к мокрому от пота рту, но я не останавливалась, пытаюсь вырваться.

— Нет! — закричала я в глухие стены.

Они даже не повернули головы в мою сторону.

— Нет... не надо... — слова ломались, превращаясь в хрип. Слезы текли по вискам без остановки, заливая уши. Мои судорожные всхлипы глухо отражались от голого бетона. — Не...

Дышать становилось всё труднее, грудную клетку словно сдавило железным обручем.

— Двух выстрелов будет вполне достаточно, — произнес Элиот.

Второй исследователь спокойно перехватил оружие и передал пистолет профессору, после чего послушно отошел на два шага назад к мониторам.

— Нет...

Мой взгляд в панике метался между вороненым стволом оружия и их застывшими лицами под шлемами.

— Больно не будет, — голос Элиота был полон сарказма и азарта. Это наводило на меня ужас.

произнес Элиот абсолютно ровным тоном.

Он поднял руку и направил черное дуло пистолета прямо мне в грудь, туда, где под ребрами медленно стучало сердце.

В этот микроскопический промежуток времени мне показалось, что сердце действительно остановилось само.

Я замерла, перестав биться в ремнях. Сквозь пелену слез я отчетливо видела, как его указательный палец медленно, плавно нажимает на спусковой крючок.

Выстрел.

Грохот ударил по ушам. Голова с силой дернулась и ударились о металлический стол. Я закричала, но вместо звука из горла густым потоком хлынула кровь — теплая, солоноватая, слишком густая. Моя собственная кровь.

Я с трудом опустила подбородок, всматриваясь в свое тело. Прямо посреди груди, чуть левее центра, темнела рваная дыра. Кровь лилась оттуда сплошным потоком, мгновенно заливая серую робу и стекая на пол.

Но я не умерла. Мозг продолжал четко фиксировать реальность.

Горло разорвал новый крик — еще более громкий и дикий. Адская, выжигающая боль пронзила абсолютно всё тело от затылка до кончиков пальцев. Воздуха критически не хватало, легкие наполнились жидкостью, и я начала захлебываться собственной кровью, судорожно кашляя.

Что за... черт... что происходит?

Голова завалилась набок, приняв неестественное положение. Всё перед глазами завертелось, закружилось в безумном хороводе, и я почувствовала, что конец уже близко, он буквально стоит у изголовья... но тьма так и не пришла. На-

смерть заблокированное веществом тело отказывалось отключаться.

Элиот над моей головой улыбался. А затем он тихо, довольно рассмеялся. Результат его полностью устраивал.

Мой затуманивающийся взгляд скользнул дальше — к массивному темному стеклу на стене. И тут я заметила странное: толстая зеркальная поверхность мелко, частыми рывками дрожала. А затем прямо по центру, между силуэтами наблюдателей, со звонким скрежетом побежали первые радиальные трещины.

Это... это сделала я? Мой крик?

— Быстрее. Фиксируй изменения. Она начинает буянить, — скомандовал Элиот и снова хладнокровно поднял пистолет над моим лицом.

Реальность вокруг окончательно расплывалась, превращаясь в грязные рваные пятна. Стекло в стене трещало всё сильнее, осыпаясь мелкой крошкой на плитус.

Мой взгляд на секунду встретился со взглядом доктора. В моих глазах больше не было ни страха, ни мольбы, ни слез — осталось только тупое, безмолвное ожидание неизбежного. Холодный ствол пистолета с силой уткнулся мне прямо в левый висок.

— Я доволен. Очень, — тихо выдохнул Элиот.

Выстрел.

Голова снова с глухим стуком ударилась о стальную станину стола. Горячая кровь мгновенно залила глаза, затекла

в рот и нос, перекрывая остатки кислорода.

Вспышка боли. И сознание наконец-то погасло.

Темнота накрыла меня — мягко, плотно, словно тяжелое шерстяное одеяло.

Надеюсь... в этот раз я больше никогда не проснусь.

Глава 6. Прошлое

От бешеного бега мышцы налились свинцом и горели. Горло саднило от каждого глотка морозного воздуха, а глаза нещадно щипало от подступающих слез. Всю дорогу до дома меня не отпускало давящее, душное чувство катастрофы. Казалось, всё, что ждет впереди, — это чистая смерть и боль. В подъезд я уже не вбежала, а буквально влетела, перепрыгивая через две-три грязные бетонные ступени. Было слишком жутко даже мысленно прикасаться к тому, что могло скрываться за порогом нашей коробки.

Сердце колотилось в горле так сильно, что с каждым ударом, казалось, ломало ребра, пытаюсь вырваться наружу. В черепной коробке ворочался липкий, вязкий кошмар. Что могло произойти за этот час? Почему короткий текст от мамы выглядел как предсмертная записка? Жива ли она? Кровь гудела в ушах, лицо полыхало. Мне казалось, я просто лопну от напряжения, не успев коснуться дверной ручки.

Только бы всё обошлось. Пожалуйста, пусть она будет цела...

Разум окончательно отказал, когда на третьем этаже я увидела распахнутую настежь дверь нашей квартиры. Изнутри, нарушая стерильную тишину коридора, доносились глухие мужские голоса. Я ворвалась в прихожую и замерла от шока. Квартиру превратили в месиво. Вещи из шкафов были

ровным слоем вывалены на пол, тяжелый диван в гостиной лежал перевернутым набок. На кухне посуда была разбита в мелкую, острую крошку, осколки ровным слоем покрывали стол и линолеум. Голоса шли из глубины — из маминой спальни.

Не соображая, что делаю, и без какого-либо плана я перешагнула через разбитый быт и рванула к полуоткрытой двери. Толкнув створку, я окаменела. Мама лежала на ковре возле кровати. Её руки были жестко скручены за спиной толстым кабелем. На лице не осталось живого места — сплошное сизое месиво из гематом и рваных ран, одежда на груди пропиталась багровым. Над ней плотной стеной стояли трое мужчин. Все в глухой черной тактической форме, лица скрывали плотные тканевые маски.

Они обернулись одновременно — в ту самую секунду, когда из моего горла вырвался дикий крик, и я всем весом набросилась на ближайшего. Я орала, вбиваясь ногтями в плотную ткань их компрессионных курток, дергалась и била наотмашь, желая лишь одного: чтобы эти твари убрали от неё свои руки.

— Нет! — мама с трудом разомкнула заплывшие, отекавшие веки и уставилась на меня мутным взглядом. — Беги! Юкки, назад, беги отсюда!

Она захлебывалась слезами, требуя, чтобы я бросила её и спасалась, но я продолжала иступленно бить мужчин по головам, пытаясь сорвать маски. Кто-то сзади коротко, про-

фессионально перехватил меня и нанес жесткий удар прикладом в затылок. В ушах раздался тонкий колокольный звон, мир мгновенно схлопнулся до черной точки, и я рухнула лицом на ковер прямо рядом с ней. Кожей щеки я ощутила, как горячая, тягучая кровь из рассеченного скальпа быстро впитывается в шерстяной ворс.

— Зачем ты вернулась?! — сквозь плотный гул донесся мамин сорванный плач.

Мужчины над нами переговаривались короткими, сухими фразами, но я не разбирала слов, сфокусировавшись только на её лице.

— Ты прислала... сообщение... — едва слышно прохрипела я.

Перед глазами всё плыло, комната вращалась. Из-за быстрой потери крови сознание медленно уплывало.

— Я ничего тебе не писала... — выдохнула мама и почти отключилась. Её лицо было разбито в кровь, они избивали её долго и методично.

При виде её в таком состоянии сердце сжалось от боли сильнее, чем пульсировала рана на затылке. Я судорожно задергалась, пытаюсь опереться на ладони и встать, но из-за дикого шума в ушах и ватных, непослушных ног снова повалилась на бок. Меня никто не связывал, но я была полностью парализована слабостью. Слезы жгли щеки. Легкие судорожно сжимались, не в силах сделать нормальный вдох.

— Дыши, — жестко, с нажимом приказала мама, заметив

мою панику. — Слышишь меня? Вдох. Выдох. Силой, давай!

Я послушно ловила ртом воздух, повторяя за ней.

Внимание медленно переключилось на нападавших. Один из них быстро вышел в прихожую, чтобы ответить на зуммеррации, а двое оставшихся держали укороченные автоматические винтовки, стволы которых были направлены четко в наши затылки.

— Лежать. Не дергаться, — бросил один. Голос был низким, мужским.

Третий, что выходил в коридор, вернулся в спальню. Он подошел вплотную, сначала окинул коротким взглядом меня, а затем долго, пристально разглядывал маму. Ткань скрывала его черты, но от его фигуры буквально веяло глухой, удушливой яростью — он едва удерживал себя от того, чтобы не сорваться. Прорези маски не могли скрыть его пылающих, неестественно синих глаз. Остальные двое оперативников заметно подобрались, уловив изменившийся настрой своего командира. Капитан медленно вытащил из кобуры пистолет с навинченным тяжелым глушителем и направил его маме в лоб.

— Как... ты... могла... — он цедил каждое слово сквозь зубы, буквально выплевывая их с дикой ненавистью.

— Что?.. — мой хриплый голос сорвался, превратившись в сипение. Я перевела взгляд на маму.

Она смотрела прямо в эти синие прорези. В её глазах мелькнуло страшное осознание. Она его узнала. Они были

знакомы до этого дня. Но если так... почему они превратили её лицо в кровавое месиво? За что её забивали насмерть прямо на моих глазах?

Разум отказывался понимать происходящее. Я тряслась всем телом — то ли от сквозняка, потому что в квартире были выбиты все окна, то ли от животного, парализующего страха.

— Как. Ты. Могла. Спрятать. Её. От. Нас?! — снова раздельно отчеканил синеглазый, сильнее упираясь стволом в мамину голову.

Я ничего не понимала. О ком он говорит? Кого — её?

— Мама?... — зрение стремительно падало, комната погружалась в серый туман.

— Не прикасайтесь к ней! Она не ваша вещь! Она живой человек! — мама нашла в себе последние остатки сил и сорвалась на крик, пытаясь закрыть меня собой. — Она моя дочь!

— Ханна... — мужчина сделал глубокий, тяжелый вдох через ткань маски.

Он резким движением перебрросил пистолет ассистенту, сделал шаг вперед и опустился на корточки прямо перед маминым лицом. Его взгляд вьелся в её зрачки.

— Ханна, — он с силой ткнул кулаком в её висок. Её голова мотнулась, но она осталась лежать на ковре. Внутри меня все выло от желания защитить её. Хотелось схватить обломок стула, вогнать этот кусок дерева ему в горло или грудь,

но после удара прикладом тело превратилось в сырое тесто, руки не шевелились. Я могла только лежать в луже собственной крови и смотреть, как он давит на нее. Они определенно знали друг друга в прошлом. — Что же ты натворила, Ханна... Мы искали её несколько лет по всем шлюзам. Но нам даже в голову не могло прийти, что этот субъект находится у тебя под боком.

Мама промолчала, лишь крупная, частая дрожь выдавала её состояние.

— Знаешь, кто сдал нам твой адрес? — капитан еще сильнее вдавил ладонь в её челюсть. — Твоя любимая подруга. Лилиана.

Его тон стал ледяным, мертвым. На секунду мне показалось, что сквозь эту маску прорежется безумный, истерический смех.

Нет. Это ложь. Этого не может быть. Лили не могла...

У его воротника с коротким треском ожила рация, раздался быстрый доклад оператора. Капитан бросил короткий ответ в микрофон, но из-за сильного шума в ушах я не разобрала ни слова, хотя лежала в полуметре от его ботинок.

— Нет... — мама тяжело, с хрипом сглотнула кровь. — Ты лжешь.

— Я никогда не лгу по работе, Ханна, — он медленно поднялся на ноги и забрал пистолет назад у подчиненного.

Тело, пожалуйста, ну хоть немного... пошевелись, сдвинься...

— Мама... — я плакала, но звуки больше не выходили из горла. Не осталось сил. Черт, ну же, подними руку! Защити её!

Органы чувств отказали окончательно. Ноги были мертвые, пальцы не слушались. Мой взгляд наткнулся на синие прорези маски командира. Я умоляла его глазами, просила пощадить её, но он проигнорировал мой взгляд. Я, не мигая, смотрела, как черное дуло с глушителем поднимается и замирает напротив маминой головы.

Нет... только не это...

— Времени в обрез. Свяжите девчонку кабелем и тащите вниз, машина у подъезда ждет слишком долго, — бросил он оперативникам, даже не глядя на них. — Мне жаль, Ханна. Приказ комендатуры обратного хода не имеет.

Сухой, едва слышный хлопок выстрела.

— НЕТ!!! Нет... нет... нет... — дикий, протяжный вой вырвался откуда-то изнутри, разрывая легкие.

Я не помнила себя. Каким-то невероятным, предсмертным усилием я заставила мышцы сработать, вскочила на ноги и с размаху бросилась на капитана, молотя его кулаками, головой, коленями — всем, что еще могло двигаться.

— Нет... мама! — я сорвалась на глухой, животный скулеж. — Нет... ма... ма...

— Уберите её. Живо, — он грубым, мощным толчком отшвырнул меня от себя на пол, поправил разгрузку и отошел к выходу.

Я развернулась к маме. В её лбу аккуратно темнело круглое отверстие, а неподвижные, остекленевшие глаза бессмысленно смотрели в потолок. Я подползла к ней, намертво вцепилась в плечи, прижала к себе и начала монотонно раскачиваться из стороны в сторону вместе с её остывающим телом.

— Мама...

Две пары рук с силой рванули меня назад, отрывая от нее. Я брыкалась, пыталась кусаться, но мне жестко выкрутили суставы за спину и перетянули запястья толстой пластиковой стяжкой. Не желая сдаваться, я наотмашь пнула кого-то в колено; оперативник глухо выругался от боли, а я потеряла равновесие и снова рухнула на ковер. Ползком, извиваясь всем телом, я пыталась подобраться ближе к маме. Но меня опять оттащили за ноги. Затем резко, за шиворот водолазки вздернули вверх — так резко, что перед глазами встала сплошная черная стена.

— Угомонись, тварь! — один из конвоиров с размаху всадил мне кулак под дых.

Тело согнулось пополам от острой вспышки боли, но я продолжала выть и хрипеть. Моя мама была мертва. Её глаза оставались открытыми. Она была мертва, и её больше не было.

— Мама...

Еще один плотный удар пришелся в тот же бок. Но эта боль больше не ломала меня, она лишь выжигала остатки

человеческого, превращая страх в чистую, концентрированную злость. Органы чувств притупились, боль ушла на задний план. Внутри родилось только одно осязаемое желание — месть. Найти и уничтожить каждого из них.

— Назад. Отойдите от неё.

Они разжали пальцы, и я мешком свалилась у маминых ног. Рядом на колено опустился их синеглазый капитан. В его руке тускло поблескивал шприц-тюбик с темным раствором транквилизатора.

— Твоя мать, — заговорил он ровным, тихим голосом, от которого внутри всё заледенело. Он бесцеремонно перехватил мою левую руку и вогнал иглу прямо в вену. — Твоя мать сама подписала себе этот приговор. Она обрекла себя на ликвидацию в тот самый день, когда решила спрятать тебя в тринадцатом секторе.

Перед тем как сознание окончательно растворилось в химической темноте, я успела поймать его взгляд. Синие, чистые глаза. И в глубине этих зрачков мелькнуло то, чего там быть не должно было: глухое сожаление и тяжелая скорбь.

...

Возвращение в реальность было вязким, медленным. Сначала пальцы нащупали плотную, грубую текстуру ткани под ладонями — я судорожно сжала обивку автомобильного сиденья. Салон грузовика. Затем прорезались звуки: негромкие, спокойные мужские голоса. Они переговаривались так обыденно, будто ехали с дежурства — обсуждали точки до-

ставки и параметры какого-то эксперимента. Зрение восстанавливалось плохо, мир плыл пятнами. Запястья за спиной были туго, до онемения стянуты веревкой. Я сидела на заднем ряду, намертво зажатая между двумя массивными фигурами в бронежилетах. По коже полз ледяной пот.

Я медленно, через силу подняла голову. В зеркале заднего вида прямо на меня смотрели те самые глаза. Синие. Холодные, как речной лед. Наши взгляды намертво сцепились в отражении. Голова взрывалась от пульсирующей боли, во рту было сухо.

«Я всё ещё жива.»

Мама... Моя мама...

— Да, — негромко произнес синеглазый водитель, не отрывая взгляда от зеркала. — Ты жива. Ни у кого из нас нет права уничтожать этот субъект, Юкки. Мне искренне жаль твою мать.

«Но ты сам нажал на курок! Ты её убил!» — мысленно проорала я, выплескивая всю ярость в зеркало.

— Это был прямой приказ комендатуры. Как я уже говорил, Ханна не имела права скрывать тебя от центральной лаборатории. Она подписала себе смертный приговор еще восемь лет назад.

— Как... — с трудом, разбитыми губами выдавила я окровавленный звук.

— Ты ведь и сама уже всё поняла, Юкки. Зачем тратить слова? — лица водителя не было видно за подголовником,

но я кожей уловила его тяжелую ухмылку. — Это закрытая информация. Секрет.

«Я сейчас сдохну от жажды. Дайте воды.»

— Сержант, — скомандовал командир, слегка повернув голову. — Дайте ей напиться.

Мужчина справа от меня молча достал из подсумка пластиковую флягу, свистом свинтил крышку и грубо прижал горлышко к моим губам. Я почувствовала, как машина плавно сбросила скорость, входя в затяжной поворот. Вода была ледяной, горьковатой, она сильной струей потекла по подбородку и пищеводу, возвращая способность соображать.

Мои глаза снова зафиксировали зеркало. Я коротко кивнула, но в этом жесте не было благодарности. *«Ты убил мою мать. Я запомнила твой голос и глаза. Если я выберусь — я разорву тебя на куски.»*

— Отличный настрой, — сухо бросил синеглазый, словно принимая вызов.

Химический сон быстро вернул свои права, утягивая меня обратно в темноту. Я не знала, сколько длился этот транзит — часы или сутки. Когда колеса грузовика окончательно замерли, я снова увидела перед лицом сержанта со шприцем в руке.

— Добро пожаловать в Сектор 39, — донесся из темноты голос водителя.

При попытке вытащить меня из кузова я со всей силы впечатала лоб в переносицу одного из конвоиров; тот хрип-

ло взвыл, но сержант быстро прекратил бунт коротким, профессиональным ударом в область лопаток и новой порцией препарата. Тьма снова захлопнулась над головой.

...

Когда сознание вернулось в очередной раз, под спиной была только холодная, безжалостная поверхность металла. Руки, лодыжки и грудь были наглухо притянуты широкими брезентовыми ремнями к станине операционного стола. Серые, голые бетонные стены без малейшего намека на окна. И только огромное, зеркальное черное стекло прямо передо мной. Слева монотонно, ритмично гудели медицинские стойки, выписывая зеленые пики моего пульса на экранах. Внутри грудной клетки была звенящая, мертвая пустота.

Гермодверь с шипением отошла в сторону. В стерильный бокс вошла женщина в идеально белом застегнутом халате, держа в руках пластиковый планшет. Она подошла вплотную к столу.

— Как тебя зовут?

Я молчала, глядя в потолок.

— Откуда ты? Твой сектор приписки? Сколько тебе полных лет?

Она задавала вопросы абсолютно ровным, лишенным эмоций голосом, внимательно фиксируя малейшие колебания зеленой линии на мониторе пульса.

— Хорошо. Скоро прибудет медицинская бригада профессора. А пока отдыхай.

Она развернулась и вышла. Я осталась лежать неподвижно.

Кто я? Как мое настоящее имя? Была ли у меня когда-то семья? Дом?

Глава 7. Настоящее

Сознание возвращается ко мне. Рывками, отдельными рванными образами. Я теряюсь во времени, путая миги и мгновения. Глаза живут своей жизнью, упорно игнорируя мои попытки разлепить веки. Воспоминания возвращаются тяжелыми толчками.

Элиот. Пистолет. Выстрел в сердце. Выстрел в голову.

После этого была только глухая, беспросветная темнота. Я была абсолютно уверена, что тогда, на операционном столе, умерла окончательно.

Но я снова дышу. Как такое может быть? Что они со мной сотворили? Теперь я точно больше не человек. Я — чудовище.

Моё тело лежит совершенно неподвижно, распластанное по холодному металлу. Оно никак не реагирует на команды мозга. Я не могу пошевелить ни пальцами рук, ни стопами, не могу даже инстинктивно вздрогнуть.

Но не это самое страшное. Самое жуткое — это то, что происходит внутри.

Страх не одолевал меня. Паника задремала на минуты. Любой нормальный человек на моём месте сейчас бы зашелся в истерике или сошел с ума от ужаса, но внутри моей грудной клетки царит странная, ледяная, абсолютная пустота. Я чувствую себя выпотрошенной, мертвой оболочкой, в кото-

рой больше не осталось ничего человеческого. Эта мысль кажется безумной, но она звучит слишком правдиво, чтобы от нее отмахнуться.

Новая попытка открыть глаза удалась, и веки наконец едва заметно дрожат. Собственное тело ощущается странным, невесомым, словно оно внезапно стало чужим.

Постепенно начинают возвращаться осязаемые физические ощущения.

Собственное сердце бьется неестественно медленно и тяжело. Между редкими ударами проходят долгие, звенящие секунды, и каждый новый толчок отзывается в груди глухо, будто изношенный механизм работает через силу. Будто оно вообще не должно работать.

Я ощущаю, как мышцы по всему телу медленно просыпаются. Они подрагивают короткими судорогами, словно заново вспоминают, как нужно двигаться. Кровь течет по венам густо, тяжело. Она кажется тягучей и ледяной, едва ползет по сосудам.

Мой слух становится необычайно, болезненно острым. Я улавливать самые тихие звуки в помещении. Даже слабый шорох воздуха из вентиляции кажется оглушительным. Запахи тоже становятся ярче, резче, делясь на составляющие. Каждое ощущение многократно усиливается, словно мои рецепторы выкрутили на максимум.

И вместе с этим приходит полная физическая стабилизация. Все предвидения, осязания чужих чувств и скрытых

эмоций вспыхнули с новой силой.

Чувствительность вернулась. Сначала я смогла нормально пошевелить пальцами рук и ног, а затем сделала несколько пробных микродвижений корпусом. Я открыла глаза. Яркий свет хирургических ламп над головой на секунду ослепил, комната пошла белыми бликами. Чтобы снизить нагрузку на сетчатку, я несколько раз быстро зажмурилась и открыла веки снова, пока глаза полностью не освоились со светом.

Я осмотрелась. Всё те же голые серые стены и массивное черное стекло. За смотровым окном сейчас никого не было. Но в этот раз я заметила детали, которые упустила раньше: два кожаных кресла, столик и небольшая барная стойка в глубине операционной. Моё зрение стало видеть в разы лучше, фиксируя мельчайшие царапины на металле.

До слуха донеслись шаги в коридоре. Трое... нет, двое людей. У одного поступь была чуть легче, мягче, чем у второго. Женщина. Они еще далеко, но по скорости приближения я четко рассчитала: будут здесь ровно через пять минут.

Голова казалась налитой свинцом, двигать шеей в стороны было проблематично. Внутри черепной коробки я отчетливо ощутила присутствие инородного металла. Холодный, маленький сплюснутый кусочек свинца.

Они не вытащили пулю из моей головы.

Что они хотели проверить? Проверить опытным путем, сколько времени я смогу функционировать с куском металла в мозге?

При этом я не чувствовала боли. Конечно, всё моё тело теперь работало совершенно по-другому. Если задуматься, физиологически это было очень похоже на биологию гулей. У них ведь тоже не бьется сердце, а все рецепторы восприятия обострены до предела. Но пуля ощущалась как инородный мусор, которому не место в моей голове. Её нужно извлечь.

Шаги приблизились. Замерли у самого порога. До меня отчетливо долетели их голоса сквозь толстую гермодверь.

— Остался последний этап, и её можно будет полноценно внедрить в штурмовую команду, — раздался мужской голос. Это Элиот.

— Ты уверен в результатах? — спросил второй голос. Елена.

— На девяносто процентов. Нужно хотя бы еще один день понаблюдать за показателями регенерации. А потом ввести под кожу... — голоса оборвались.

Дверь со свистом отошла в сторону, и они вошли в бокс. Елена была одета, как и в прошлый раз — строгие брюки, светлая рубашка и расстегнутый халат. Элиот шел чуть впереди нее: черные джинсы, серая рубашка и неизменный белый халат. У обоих в руках были зажаты пластиковые планшеты.

Намерения Елены были настолько осязаемыми, что я мгновенно считала её мысли и ожидания. Она хотела, чтобы я превратилась в идеальное оружие, убивала монстров и

очистила территорию Америки от заразы. Обычный прагматичный интерес чиновника.

А вот намерения Элиота... Они были такими яркими, липкими и извращенными, что меня буквально вывернуло наизнанку. Он слишком многого хотел от моего тела. Снова расчленить, снова выстрелить в упор и засечь по секундомеру, как быстро сработает регенерация. Он спал и видел, как разрежет меня вдоль, чтобы изучить структуру тканей. Глядя на меня, он буквально трепетал от научного восторга.

Удерживая абсолютно нейтральное, мертвое выражение лица, я ничем себя не выдала. Мне не хотелось, чтобы они знали весь спектр моих новых возможностей. Пусть это останется моим личным секретом, а им я выдам лишь полуправду.

— Доброе утро, — Элиот лучезарно, приторно улыбнулся и подошел вплотную к станине стола, к которому я была привязана.

Я промолчала. Молчание — отличный способ выудить из людей максимум информации.

— Она что, потеряла дар речи после шока? — раздраженно спросила Елена, косясь на профессора.

Элиот перевел взгляд на светящийся монитор медицинской стойки, изучая мои показатели. Моё измененное сердце билось настолько медленно и ровно, что датчики аппарата почти давали сбой. Программа не могла расшифровать, дышу ли я вообще, есть ли пульс в артериях. И всё же система

выдавала зеленый маркер — субъект жив.

— Скажи что-нибудь, — слова Елены прозвучали как сухой приказ, не терпящий возражений.

Я проигнорировала её.

Женщина раздраженно цокнула языком, оглядывая мою серую робу с ног до головы. Услышав шуршание халата, я потеряла к ней всякий интерес и перевела взгляд на Элиота. Он уже занес руку надо мной. Достав из кармана маленький диагностический фонарик, он направил узкий луч мне прямо в зрачок.

— В этом нет никакой надобности, — холодно, абсолютно отстранено произнесла я.

Мой собственный голос снова претерпел изменения. Он стал заметно грубее, глубже, в нем появились темные, вибрирующие нотки.

— Вот видишь, она говорит! — Элиот едва не подпрыгнул на месте от радости, быстро делая пометку на экране планшета.

— Тогда почему она проигнорировала мой вопрос?

Елена явно намеревалась сорваться на крик — либо на меня, либо на самого профессора. Она сделала несколько быстрых шагов на высоких каблуках и встала вплотную к Элиоту. Теперь оба исследователя смотрели на меня сверху вниз, как на редкую зверушку. Как на подопытную крысу в клетке.

Хотя... к чему лукавить. Я и была подопытной крысой. Существом, которое они искусственно улучшили, превратив

в нечто гораздо более страшное, чем обычный человек. Они создали чудовище.

— Ей нужно официальное имя.

Я переводила взгляд с Элиота, чья довольная ухмылка не сходила с лица, на Елену — та то хмурилась, то брезгливо кривилась при виде моих бледных волос.

— Почему бы вам просто не назвать моё настоящее имя? — я адресовала этот вопрос больше профессору, чем его спутнице.

— Ну уж нет, — протянул Элиот, качнув головой. — У тебя начинается совершенно новый этап существования. А это значит, что тебе необходимо новое обозначение. Тебя больше ничто не должно связывать с той девочкой из прошлого.

— Давай быстрее, время идет, — оборвала его Елена, у которой не было терпения выслушивать его демагогию. Ей нужны были сухие цифры.

— Запомни хорошенько, — Элиот снова повернулся ко мне, его глаза сузились. — С этого момента твое имя — Миррай. Ты меня предельно точно поняла, или мне нужно озвучить его еще раз?

Он что, ребенок?

— Одного раза вполне достаточно.

В эту секунду намерения Елены резко изменились. На периферии её мыслей я успела поймать отчетливую вспышку липкого страха. Она панически боялась меня, хотя я по-прежнему лежала связанной и не сделала ни одного агрес-

сивного движения.

Страх вспыхнул внутри, но внешне осталась каменной. Если я сейчас заговорю с ней на тему её трусости, то наверняка получу еще одну пулю в лоб. Притом, что прошлая еще сидела внутри.

— Как ты себя чувствуешь? — пошли стандартные протокольные вопросы.

Елена молча застыла по правую руку от профессора, с замиранием сердца ожидая моих ответов.

— Приемлемо.

— Новые физические ощущения? Возможно, обострились вкусовые или тактильные рецепторы?

— Возможно.

— Поконкретнее, Мирай. Для отчета.

— Слух стал четче. Обоняние чувствительнее. Глаза видят яснее, картинка более детализированная. В теле легкость.

— Хорошо. А что насчет твоей ментальной способности считывать намерения и чувствовать чужие эмоции?

— Всё осталось на прежнем уровне, никаких изменений, — солгала я, даже не моргнув.

— Хм, — Элиот быстро внес строчку в планшет.

Я тут же уловила исходящую от него волну разочарования. Зато от Елены повеяло глухим, колоссальным облегчением. Какие же они странные. Они годами выводили идеального солдата, живого робота, который будет беспрекословно

убивать по их указке. И теперь один ученый недоволен тем, что я не стала абсолютным менталистом, а чиновница выдыхает от мысли, что её мысли скрыты от подопытной.

— Вы забыли одну вещь, — спокойно, без тени эмоций обратилась я к мужчинам.

Элиот отложил стилус в сторону и внимательно посмотрел на меня. Он сразу понял, о чем речь. А вот Елена осталась в неведении, переведя полный немого вопроса взгляд на коллегу.

— Что она имеет в виду? — женщина не выдержала и минуты молчания, спросив раньше, чем ученый успел открыть рот.

— Она спрашивает про пулю в своей голове, — Элиот внезапно громко, заливисто рассмеялся.

— Что? — Елена нахмурилась, так ничего и не поняв.

— Ты её отчетливо ощущаешь? — обратился он ко мне, полностью проигнорировав реплику спутницы.

— Да, — коротко ответила я.

— И ты хочешь, чтобы мы её извлекли?

— Да какая еще пуля?! — не унималась Елена, начиная злиться.

— Елена, ты вообще открывала итоговый отчет перед входом в бокс? — раздраженно осадил её профессор.

— Мельком просмотрела.

— Плохо, — отчеканил он. — Когда вчера я выстрелил Мирай в сердце и в висок, мы провели короткий консилиум

и решили оставить один поражающий элемент внутри черепной коробки. Нам нужно было проверить гипотезу: проснется ли субъект при наличии инородного тела в мозговых тканях. И я не ошибся в своих расчетах, — Элиот говорил об этом с таким благоговением, словно совершил величайшее открытие в истории человечества. — Пуля осталась в левой доле черепа, но Мирай проснулась, регенерировала и функционирует в пределах нормы.

— Что?.. — у Елены округлились глаза от шока. Она медленно перевела взгляд на меня.

Ей снова стало по-настоящему страшно. Теперь мне даже не нужно было задействовать свои способности, чтобы считать её состояние: женщина сделала непроизвольный шаг назад, её плечи вздрогнули, пульс участился, а на лбу выступили мелкие капли холодного пота.

— Вы должны её вытащить, — я зафиксировала взгляд исключительно на лице Элиота.

— Хорошо. Чуть позже я дам команду ассистентам, они проведут легкую операцию и извлекут металл. Как именно она ощущается?

— Как тяжелый инородный предмет, который мой организм пытается отторгнуть.

— Ты пытаешься вытолкнуть пулю самостоятельно, за счет мышечных сокращений? — у Элиота снова вспыхнул фанатичный азарт, губы расплылись в улыбке.

— Да. Но из-за того, что входное отверстие, которое вы

мне сделали, затянулось быстрее, чем свинец сдвинулся с места, пуля оказалась заперта внутри.

— Боже... — тихо пискнула Елена, переводя дикий взгляд с меня на профессора и обратно. — Она просто монстр.

Чему тут удивляться? Сами ведь этого добивались.

— Елена, идем. Поговорим в коридоре, — Элиот повернул голову ко мне. — Что ж, отлично, Мирай. Отдохни пока, скоро придут хирурги и всё извлекут. А уже завтра утром мы начнем финальный этап подготовки.

— Могу я спросить вас кое, о чем, пока вы не ушли?

— Конечно. Спрашивай.

— У меня есть ускоренная регенерация. Как мы все здесь присутствующие уже поняли, меня невозможно ликвидировать обычным выстрелом в лоб или в сердце. Тогда ответьте мне: как именно меня можно убить?

— Ничего ей не говори! — яростно прошипела Елена, хватая Элиота за рукав халата.

— Да брось, почему бы и нет? Она всё равно рано или поздно узнает правила игры, — Элиот спокойно опустил взгляд на мою шею. — Завтра в область твоих шейных позвонков мы внедрим внутреннюю мини-капсулу. Она не взорвется, как обычная тротиловая бомба. Внутри нее находятся две изолированные ампулы со смертельным синтетическим ядом, разработанным специально для таких, как ты. И даже не спрашивай — мы уже проводили тесты на бракован-

ных образцах, состав работает безотказно. Если этот токсин попадет в твою кровь, он мгновенно начнет уничтожать клеточную структуру и плавить сосуды. Проще говоря, этот яд за несколько секунд зажарит тебя изнутри.

Я внимательно прочла его намерения в этот миг. На этот раз он не блефовал — говорил абсолютную, чистую правду.

Решив, что разговор окончен, он развернулся и направился вслед за Еленой к тяжелой двери. Но я остановила его последним вопросом. Ответ на него у меня уже был, но мне требовалось их официальное подтверждение.

— Скажите... я смертна?

— Да, — Элиот обернулся у самого порога. — Но ты гарантированно будешь жить гораздо дольше, чем обычные люди.

Больше они на меня не смотрели. Гермодверь с шипением захлопнулась, и исследователи исчезли в белом коридоре.

Глава 8. Настоящее

Как и обещал Элиот, через некоторое время, пришли двое мужчин в резиновых фартуках. Они грубо, без лишних церемоний отключили фиксирующие датчики и точными, заученными движениями извлекли пулю. Из-за остаточного действия наркоза я не почувствовала острой физической боли, но где-то на глубинном, подсознательном уровне всё равно уловила тот самый глухой, скользящий момент, когда чужеродный металл покинул костную ткань моего черепа. После этого они просто собрали инструменты и оставили меня одну. Рану на виске никто не стал зашивать. Они намеренно позволили разорванной плоти регенерировать самостоятельно, словно лениво наблюдали за рядовым школьным экспериментом.

Когда я снова пришла в себя, веки открылись медленнее, и яркий белесый свет бестеневых ламп привычно ударил по сетчатке.

Руки, ноги и туловище теперь слушались безупречно, в суставах появилась гибкость. Голова тоже стала заметно легче, ушла давящая тупая пульсация. Я осторожно повернула шею в сторону и окончательно поняла, что свинца внутри больше нет — дыра затянулась, оставив лишь гладкую, молочно-белую кожу.

Тело за эти несколько часов вынужденного анабиоза слов-

но стало еще сильнее. Я физически ощущала, как кости и мышечные волокна уплотнились, наливаясь скрытой, тяжелой мощью. Кожа тоже изменилась — теперь она казалась более плотной, упругой, готовой выдержать колоссальные нагрузки.

Только измененное сердце оставалось прежним. Как и утром, оно едва перекачивало густую кровь по сосудам.

Повернув голову в сторону мониторов, прищутив глаза, посмотрела на свои жизненные показатели. Пульс оставался пугающе медленным, изолиния кардиограммы — слабой, с редкими, ленивыми пиками. Сердце билось тихо, с затяжными паузами, словно вообще не спешило поддерживать во мне эту суррогатную жизнь.

Элиот мимоходом упомянул, что завтра утром у них запланирован последний, решающий этап.

И что будет потом?

Они сразу швырнут меня на передовую, в сырые руины на растерзание тварям? Или та лаборантка, которая так жадно, со склизким вождением примеривалась к моему телу, купит меня у профессора и заставит выполнять роль личного цепного пса?

Какова конечная цель всего этого цирка?

Вопросы давили на внутреннюю сторону черепной коробки, словно пытались разломить её изнутри.

Кем я была до того, как очнулась на этой клеенке?

Как звучало моё настоящее имя?

Есть ли у меня на этой изувеченной вирусом земле родные, близкие? Те, кто, возможно, до сих пор ищет меня?

Как я вообще здесь оказалась? Согласилась ли я на этот мясной эксперимент добровольно, преследуя какие-то свои цели... или меня просто цинично похитили со шлюзов, как бездомное животное?

Почему исследователи в один голос твердят, что я кардинально отличаюсь от остальных образцов? Что конкретно это может значить в их кодировке?

И если я отличаюсь от общего потока, значит, в подвалах этого сектора есть и другие. Другие сломанные люди, над которыми проводили точно такие же необратимые манипуляции.

Резкий, металлический щелчок гермодвери вырвал меня из вязкого болота собственных мыслей.

Нужно успокоиться. Собраться. Перестать задавать вопросы, на которые эти стены всё равно никогда не ответят. С сегодняшнего дня для этой системы я — Мирай. Пустая страница.

В бокс размеренным, тяжелым шагом вошел мужчина.

Мужественный. Высокий. Плотного сложения. На нем была глухая тактическая форма темного цвета, а лицо полностью скрывала плотная маска, оставляя открытыми лишь узкие прорезы для глаз. Я видела его впервые в жизни. Ну, или мне так казалось.

На его жестком разгрузочном поясе в пластиковой кобуре

висел тяжелый армейский пистолет. Руки в плотных перчатках были спокойно скрещены за спиной.

Он не стал сразу смотреть на меня.

Сначала его скрытый маской лик медленно, методично обошел всю геометрию комнаты. Он внимательно осмотрел углы, стыки стен, затем на несколько секунд перевел взгляд на массивное черное стекло за своей спиной. После этого его внимание плавно переключилось на гудящие мониторы и разложенные на лотках хирургические инструменты.

Ноги он держал широко расставленными, уверенно упираясь тяжелыми берцами в кафель. Настоящая боевая выправка. Солдат? Или кто-то повыше?

Наконец он медленно повернул голову в мою сторону и посмотрел прямо на стол. Наши взгляды намертво сцепились. Его глаза были синими. Такими пронзительными, чистыми и холодными, словно за маской скрывалось морозное зимнее небо.

Я мгновенно замерла, внутри всё сжалось.

Дыхание само собой остановилось.

Он смотрел на меня так, будто препарировал взглядом. Словно пытался ментально разобрать мою структуру на атомы одним лишь поворотом зрачков. Его внимание было настолько осязаемым, тяжелым и глубоким, что казалось, этот человек без труда пробивает все мои новые оборонительные щиты и читает суть насквозь.

Дыхание прервалось, страх не позволил телу дёрнуться,

пока он молча изучал меня. Его взгляд физически ощущался на открытой коже виска, как обжигающее, сухое пламя. Он словно медленно пожирал всё мое внутреннее устройство, заглядывая в самую душу.

Мужчина не произнес ни единого звука, но я уже окончательно потеряла дар речи. Липкое, вязкое замешательство росло внутри с каждой секундой. Я смотрела на него, не моргая, боясь упустить малейшую деталь.

И вдруг до моего измененного сознания дошла одна странная, пугающая вещь.

Я не могу его прочитать.

Мои обострившиеся рецепторы, которые часом ранее без труда впитывали мерзкие помыслы Элиота и Елены, сейчас натывались на глухую, зеркальную стену. Я абсолютно не чувствовала его намерений. Вокруг его фигуры была звенящая, стерильная пустота.

Кто он такой?

— Кто ты? — хрипло, через силу вытолкнула я из себя вопрос.

Он не успел разомкнуть губ.

Мой боковой слух и зрение резко зацепились за движение за темным стеклом смотрового окна. В соседнем, затемненном помещении бесшумно появились силуэты. Внутрь вошли четыре человека. Из-за специфического преломления света и бьющих в лицо ламп я не могла разглядеть их лица четко. Но там совершенно точно стояли трое мужчин и одна

женщина.

Незнакомец мгновенно зафиксировал, куда именно направлен мой взгляд.

Одна его густая бровь едва заметно приподнялась над прорезью маски в немом, оценивающем вопросе. Но, не дождавшись от меня вербального ответа, он тоже плавно развернулся корпусом к зеркальной поверхности. Его поза едва уловимо изменилась. Мужчина слегка расслабил плечи и сделал едва заметный кивок головой — возможно, в знак протокольного приветствия. А может, демонстрируя согласие с каким-то приказом, полученным через скрытый наушник.

У меня небыло возможности двигаться, хотя тело непроизвольно приподнялась в его сторону. Не дергалась в ремнях. Даже не моргала, чтобы не выказать слабости. Пальцы рук сами собой сжались в плотные кулаки, но всё остальное тело оставалось неподвижным, каменным. Я просто ждала, что будет дальше.

Те люди, что сейчас стояли в полумраке за толстым стеклом, буквально жаждали конфликта. Их намерения, в отличие от намерений этого военного, я считала мгновенно и без малейших усилий. Они пришли сюда ради зрелища, ради чужого боя и свежей крови. Они лениво потягивали напитки из стеклянных стаканов и негромко смеялись, цинично разглядывая меня и стоящего рядом оперативника. От этой сытой четверки так и исходило отчетливое, удушливое желание

распороть мою грудную клетку прямо сейчас, чтобы воочию посмотреть, как работают искусственные волокна.

Но что было гораздо интереснее и контрастнее — точно такие же кровожадные, исследовательские намерения они испытывали и к этому синеглазому мужчине. Они спали и видели, как вскроют его собственный череп, чтобы лично убедиться, остался ли под костью обычный, уязвимый человеческий мозг, или там тоже всё перестроено.

Мой разум зафиксировал эту важнейшую деталь. Наблюдатели четко, ментально отделяли его фигуру от категории «обычных людей».

Значит... он тоже нечто иное. Модифицированное существо. Как и я сама.

Мужчина снова плавно развернулся ко мне всем телом. Лица под плотной тканью по-прежнему не было видно — только синие зрачки. Но мне на мгновение показалось, что в тот самый миг, когда он разворачивал плечи, под черным трикотажем мелькнула едва заметная, жесткая ухмылка. Его синие глаза снова сфокусировались на моем лице.

Он по-прежнему игнорировал мой прямой вопрос.

Я едва удержалась от того, чтобы раздраженно цокнуть языком. Зачем этот молчаливый гость вообще притащился в мой бокс, если не собирается открывать рот? Ему нужно особое, официальное приглашение? Чего именно он ждет, буравя меня взглядом? Или... он просто профессионально считывает мою первичную реакцию на стресс?

Хотя...

Внутри меня словно провернулся ржавый замок, и я внезапно замерла, перестав дышать. Этот военный был мне абсолютно незнаком. По крайней мере, логика утверждала именно это. Но где-то в самых глубоких, заблокированных пластах памяти зашевелилось странное, щемящее чувство. Будто я уже видела эти глаза раньше. При каких-то совершенно жутких, кошмарных обстоятельствах.

Он продолжал молча рассматривать линии моего лица. Между нами в стерильном воздухе мгновенно натянулось плотное, осязаемое напряжение. Мужчина явно был чем-то недоволен.

Наши взгляды снова пересеклись в одной точке. У меня появилась дикая, безумная догадка. Решив проверить её здесь и сейчас, я мысленно, изо всех сил сформировала четкий посыл и направила его прямо в его сторону:

«Ты читаешь мои мысли?» Военный не вздрогнул. Не выдал себя ни единым микропризнаком. Его поза осталась прежней, руки так же покоились за спиной. Ни один мускул под маской не дрогнул. Но наши взгляды по-прежнему оставались прочно связанными невидимой нитью.

Он коротко, едва заметно кивнул.

«Ты телепат», — так же мысленно констатировала я.

Он снова сделал едва уловимый кивок.

— Как ты догадалась? — наконец заговорил он вслух.

Его реальный голос плотной волной врезался в мой ра-

зум, словно мощный, неостановимый водопад. Тяжелый, холодный, терпкий, смертельно опасный... и при этом странно, противоестественно притягательный. Глубокий мужской баритон с легкой, царапающей хрипотцой.

— Я просто сделала логическое предположение, — так же вслух, отстраненно ответила я. Мои новые уши теперь без труда улавливали даже фоновое шуршание одежды людей за стеклом.

«*Зачем ты пришел сюда?*» — снова мысленно, беззвучно спросила я, решив протестировать этот канал связи.

— Пришел лично убедиться, готова ли ты к полноценной службе, — ровно ответил он, без труда приняв мой ментальный формат. — Готова ли ты безжалостно защищать наши внутренние территории от наступающей орды гулей.

«*Как твое имя?*» — Для тебя и для всех остальных в этом секторе я буду генералом. Это всё, что твоей голове необходимо знать на данном этапе.

«*Черствый, ограниченный муслан*», — невольно, слишком эмоционально пронеслось в моем сознании.

— В обозримом будущем тебе лучше навсегда избавиться от использования подобных слов в моем присутствии, — его ментальный тон оставался ледяным.

— Говоришь нудно, как дряхлый старик, — вслух парировала я, дернув подбородком. — Сколько тебе полных лет?

— Достаточно для того, чтобы ты прямо сейчас начала проявлять ко мне элементарное уставное уважение.

— Я тебя не знаю и не собираюсь проявлять уважение к маске. Но если снизойдешь до того, чтобы назвать свое настоящее имя... я, возможно, подумаю над этим предложением чуть дольше.

Никакой ответной реакции. Никаких эмоций через ментальный канал. Он точно запрограммированный робот.

— А ты довольно интересная особа, Мирай, — в его глубоком голосе впервые прорезалась едва заметная искра одобрения.

— Взаимно, генерал.

— Не буду долго томить тебя ожиданием. Если завтра на рассвете ты успешно завершишь финальный этап проекта, тебя официально переведут под мое прямое командование. Будешь служить в моей личной штурмовой группе и находиться под моим круглосуточным присмотром.

«А если всё закончится плохо? Если сыворотка сожжет меня?» — Тогда...

Он резко замолчал, обрывая фразу на полуслове.

Тяжелая гермодверь бокса снова с шипением разошлась в стороны. В комнату плотной группой вошли те самые люди, которые только что наблюдали за нами из полумрака смотровой. Только один из силуэтов остался стоять в коридоре.

Генерал молча сделал шаг назад, отходя в сторону, ближе к гудящим мониторам показателей.

Пришедшие мужчины выстроились в ряд у изножья стола и с довольными, приторными улыбками принялись перево-

дить взгляды с моей бледной фигуры на застывшего в углу командира.

«Завтра я намеренно притворюсь бракованной. Сорву им показатели», — мысль сформировалась в моей голове мгновенно.

Генерал услышал этот ментальный посыл и едва заметно, предупреждая, качнул головой в зеркале заднего вида. Но мои текущие физические параметры и без того были идеальными. Я уже успела изрядно удивить лаборантов этого закрытого центра. Мне даже не нужно было задействовать чтение мыслей, чтобы понять очевидное — завтра я в любом случае покину эту стерильную клетку.

— Ну что, Мирай, ты уже успела поближе познакомиться со своим будущим командиром? — без лишних церемоний спросил один из вошедших мужчин, плотный, с лоснящимся лицом.

Я коротко, безэмоционально кивнула.

— Боже, какой же я бестактный, — мужчина наигранно рассмеялся, потирая пухлые ладони. — Моё имя Агнус. Я генеральный директор этого научно-исследовательского института, в котором ты имеешь честь находиться. — Он небрежно указал пальцем налево. — Это мой личный секретарь, Себастьян. — Затем кивнул направо, в сторону высокой подтянутой женщины с тонкими губами. — А это главный куратор и ведущий исследователь центра — доктор Сирша.

Сирша мягко, одними уголками губ улыбнулась мне и сделала вежливый приветственный кивок.

— Генерал, вы свободны. Свою часть протокола вы выполнили, — произнес Агнус, даже не удосужившись повернуться к военному лицом. — Завтра утром вам официально сообщат часы, во сколько объект Мирай будет юридически передан под вашу юрисдикцию.

Генерал молча кивнул. Наши взгляды на одну микросекунду снова пересеклись в воздухе. И в этот короткий, финальный момент я совершенно отчетливо увидела в глубине его синих зрачков странную, глухую грусть.

Почему этот опасный, ментально закрытый человек грустит, глядя на меня?

Не оборачиваясь и не издав ни звука, генерал резким движением развернулся, вышел за порог и мгновенно растворился в темном пролете внешнего коридора.

Как только дверь за ним закрылась, от Агнуса и Себастьяна в мое обоняние буквально ударил невыносимый, удушливый смрад. Мои новые рецепторы воспринимали их ментальное поле как густую, липкую болотную жижу, сотканную из безграничной жадности, цинизма и абсолютной безнаказанности. Они буквально утопали в этой грязи, даже не замечая её.

А вот доктор Сирша была совершенно иной. Чистой. Сухой.

Я сосредоточилась и без труда перехватила её скрытые на-

мерения. Эта женщина искренне искала спасение для остатков цивилизации. Она видела во мне и в моих измененных клетках единственную надежду. Свято верила, что я и такие, как я, сможем переломить ход этой затянувшейся войны, зачистить руины и вернуть людям полноценную власть над опустошенной землей.

Мысли мужчин, напротив, были предсказуемо отвратительными. Они не думали о спасении видов — они хотели лишь максимально выгодно использовать мой потенциал и продать штурмовой результат подороже комендатуре Столицы. Для этих двоих я была исключительно удачной долгосрочной инвестицией. И больше ничем.

Сирша, видимо, получила с медицинских мониторов всю необходимую ей техническую информацию. Она еще раз коротко, подбадрывающее кивнула мне и молча покинула бокс.

— Ну, как ты себя чувствуешь, Мирай? — фальшиво, приторно улыбнулся Агнус, делая шаг ближе к столу.

— Хорошо, — мертвым тоном отозвалась я.

— Она полностью готова, показатели стабильны, — подал голос секретарь Себастьян, сверяясь со своим карманным терминалом.

— Мы увидели всё, что хотели. Себастьян абсолютно прав. Ты готова к транзиту, девочка.

Я лениво, безразлично прикрыла веки. У меня попросту не осталось ментальных сил отвечать на их пустые, бессмысленные штампованные фразы.

— Отдыхай. Набирайся сил. Завтра утром состоится твой официальный дебют.

Они тоже развернулись и вышли, оставив меня в абсолютной тишине серой бетонной коробки.

Зачем они вообще приходили всем кагалом? Что конкретно хотели высмотреть в моих зрачках? Весь этот визит и их пафосный разговор оказались почти бессмысленными. Кроме одного.

Кроме странного, выбивающего почву из-под ног разговора с синеглазым генералом. Мне жизненно необходимо поспать. Завтра всё изменится.

Глава 9. Настоящее

— Какие у тебя сейчас мысли? — бесцветным голосом спрашивает Элиот, пока его ассистент методично подготавливает подкожный взрывной имплант, известный в протоколах как «Метка Смерти», и компактный трекер-маячок.

Первый по инструкции должны зашить мне в основание шеи, чуть ниже затылка, а маячок — глубоко в мышцу левого предплечья.

Я пристально, не отрываясь, смотрю на профессора. Сегодня на нем нет привычной бесформенной одежды — он облачился в строгий, почти парадный костюм темного покроя. От его воротника удушливо, неестественно сильно пахнет лавандовым парфюмом, что совершенно несвойственно для мужчин его склада. Но сквозь эту цветочную парфюмерную завесу мои новые рецепторы отчетливо улавливают другие, скрытые маркеры: физическую кислятину, застарелую горечь и запах жженого металла. В моей новой сенсорной системе этот химический коктейль означает только одно — ему глубоко, искренне грустно.

Элиота очень легко читать. Сейчас он для меня как открытая книга, напечатанная крупным шрифтом. Достаточно просто смотреть в его сторону, и ты увидишь, что всё, что он чувствует, осязаемыми клеймами припечатано к его лицу.

Мне даже не нужно напрягаться, его намерения и так

очень ясны. Он не хочет избавляться от меня. Не хочет передавать меня армейскому командованию. Ему до безумия хочется снова и снова, сотни раз экспериментировать над моим изменившимся телом и пластичным разумом. У него были колоссальные научные планы на этот субъект. И теперь ученому физически больно осознавать, что всего через два часа я навсегда покину этот бокс и перестану быть его личной собственностью.

Моё внимание переключается на ментальный фон его помощника, и я медленно поворачиваю голову к парню. Тот как раз подкатывает к операционному столу инструментальную каталку, на которой ровными рядами разложены скальпели, антисептики, маячок и сам взрывной цилиндр.

Посмотрев на лаборанта в упор, я едва сдерживаю холодную ухмылку от того, что открывается моему восприятию. Этот человек не испытывает ко мне ни грамма страха или научного интереса. Его намерения вообще никак не связаны с институтом. Он страстно, до дрожи в пальцах желает прямо сейчас оказаться в совершенно другом месте. А конкретно — в постели с одной вполне определенной привлекательной женщиной.

Надо же. Я никак не ожидала, что в этих проклятых подвалах найдется хоть кто-то, кто в моем присутствии будет думать не о вирусных клетках, и не о том, как правильное ломать мою костную структуру.

— Всё полностью готово, — тихо рапортует помощник,

отступая на шаг и освобождая оперативную зону для Элиота. Профессор будет лично вживлять оба объекта.

— Хорошо.

Элиот уверенным движением берет с лотка скальпель и делает быстрый надрез на моей левой руке, чуть выше запястья. Густая, темная кровь мгновенно начинает течь по бледной коже, разбегаясь струйками в разные стороны. Никто из мужчин даже глазом не дергает при виде этой неестественной, тягучей жидкости.

Я смотрю не мигая, с холодным любопытством наблюдая за тем, как Элиот берет с каталки титановый цилиндрок маячка и с силой вталкивает его глубоко в рану, раздвигая мышечные волокна. И пока профессор отвлекается на светящийся монитор, чтобы проверить мои жизненные показатели, я своими глазами вижу, как измененные ткани мгновенно реагируют на повреждение. Кожа вокруг разреза начинает стягиваться с едва слышным сухим треском. Через две минуты рана полностью исчезает, словно её там никогда не было. Не остается даже намек на шрам или бледный рубец.

— Ощущаешь маячок в руке? — спрашивает Элиот, фиксируя этот момент в планшете.

— Да.

Он ощущается точно так же, как и утренняя пуля — как твердый, инородный мусор под кожей. Но поскольку это штатный трекер, и никто не собирается извлекать его наружу, через какое-то время мой организм смиритсЯ с этим при-

сутствием, и капсула просто обрастет мышечной тканью.

— Теперь нам необходимо ввести основной имплант.

Элиот оценивающе смотрит на мою голову. Он прекрасно понимает, что для доступа к нужной зоне над позвоночником моя текущая поза совершенно не подходит. Им придется полностью освободить меня от фиксирующих ремней и приказать перевернуться на живот.

— Одно лишнее или резкое движение, Мирай, — и ты мгновенно получишь крупнокалиберную пулю в лоб, — предупреждает он. Его ментальное поле подтверждает: он не шутит. Приказ на ликвидацию уже согласован.

Молча киваю. У меня нет ни малейшего намерения устраивать здесь бессмысленный бунт. Пока нет.

Элиот быстрыми движениями расстегивает тяжелые замки ремней с левой стороны стола, а его помощник синхронно проделывает то же самое с правой. До ушей долетают звонкие металлические щелчки — и я наконец свободна от многодневных пут. Пока мужчины были заняты утилизацией креплений, я сделала несколько медленных круговых движений кистями и стопами, разгоняя застоявшуюся ледяную кровь.

— Переворачивайся на живот, Мирай, — сухо командует профессор.

Начиная медленно разворачивать корпус на узком металлическом столе, я краем глаза успеваю заметить, как пальцы Элиота снова перехватывают окровавленный скальпель.

Моё лицо утыкается в холодную, твердую поверхность станины. Жесткие белые волосы мгновенно лезут в глаза и рот, мешая обзору, но я не собираюсь жаловаться на дискомфорт. В этот момент в голове проносится странная, отрешенная мысль: а ведь белый цвет операционных ламп по-своему очень красив.

Одно мгновения тишины и после я ощущаю, как кожу на задней стороне шеи сначала покалывает от антисептика, а затем пронзает острая, ледяная вспышка. Элиот начинает делать глубокий надрез, пробивая уплотнившуюся дерму. Горячая кровь струйками стекает по шее, пачкая подбородок и попадая мне на губы. Острое жжение быстро притупляется, сменяясь глухим онемением, но я отчетливо, до миллиметра чувствую, как внутрь, прямо к основанию черепа, заталкивают холодный металлический имплант.

Капсула с ядом на месте. Маячок в руке. Я полностью готова к передаче.

— Эти длинные волосы только мешают обзору, нужно срезать их под корень, — раздраженно комментирует Элиот, заканчивая накладывать невидимый шов. Помощник в ответ лишь согласно угукает.

— Не смейте! — мой голос звучит гораздо резче и громче, чем я планировала.

Они оба мгновенно замирают над моим телом, и я сама застываю, пораженная собственной вспышкой. Я совершенно не ожидала от себя такой бурной эмоциональной реакции

и даже на глубинном уровне не до конца понимаю, почему эти слова сорвались с моих губ. Волосы как волосы, обычный мертвый кератин. Но сама мысль о том, что эти люди прикоснутся к моей голове со своими ножницами и лишат меня этой белизны, вызывает внутри глухую, яростную волну протеста.

Оба исследователя молчат. Никто не решается продолжить манипуляции. Несколько долгих мгновений в стерильном боксе слышно только мерное, электронное пиканье мониторов и наше неровное дыхание.

Наконец Элиот осторожно берет меня за правое плечо и потягивает на себя. Он молча, без слов дает понять, что я могу перевернуться обратно, лицом к ним.

Оказавшись снова на спине, я подсознательно ожидала, что лаборанты опять затянут на моих запястьях фиксирующие стропы, но нет — этого не происходит. Элиот безошибочно считывает мое минутное замешательство и снисходительно отвечает на немой вопрос:

— В этом больше нет никакой технической необходимости, Мирай. Ровно через тридцать минут сюда прибудет генерал со своим сержантом для приема объекта. Ну а пока у тебя есть немного времени, чтобы наконец-то принять нормальный душ и привести себя в порядок. А то выглядишь ты, мягко говоря, неважно.

Здесь он абсолютно прав. На мне по-прежнему надета только казенная белая рубаха до колен, испачканная старой

кровью. Никакого белья на мне нет. Волосы сальные, спутавшиеся, грязные от медицинских гелей. Вид у меня действительно отвратительный.

Под пристальным, оценивающим взглядом Элиота мне позволяют самостоятельно подняться на ноги. Когда мои голые стопы впервые за долгое время встречаются с ледяным кафельным полом, по коже мгновенно пробегает крупная волна мурашек, но это физическое ощущение приносит мне странное, дикое удовольствие. Подумать только, целых десять дней я была намертво прикована к этому анатомическому столу. Эти ублюдки даже не удосужились подстелить под мою спину хотя бы какое-то подобие мягкого матраса. О нормальной человеческой кровати я даже не заикаюсь.

— И помни: без каких-либо резких движений в коридоре, — предупреждает профессор, открывая внешнюю панель двери. — Пуля, конечно, теперь тебя не убьет, но шоковый удар на время полностью заглушит все рецепторы. И мыться ты будешь под присмотром, конвойные проследят.

— Хорошо.

Мы выходим из бокса и оказываемся в бесконечно длинном, глухом подземном коридоре. Люминесцентные лампы под потолком ярко освещают серые бетонные стены и тускло поблескивающий черный каменный пол.

Долго шагать нам не приходится. На первом же повороте Элиот останавливается и толкает массивную зеленую дверь. Сначала внутрь заходит он, а следом за ним ступаю я.

Помещение оказывается просторной армейской душевой. По левую сторону тянется длинный ряд открытых кабин со смесителями, чуть дальше установлены фаянсовые раковины и разложены средства личной гигиены. Прямо у входа стоят серые металлические шкафчики для одежды и две деревянные скамьи.

— У тебя ровно пятнадцать минут на всё. Твоя форма лежит там, — профессор небрежно указывает рукой на первую скамейку.

Там обнаруживается плотный прозрачный пакет, внутри которого аккуратно сложена новая одежда. Чуть ниже, прямо на полу, стоит пара тяжелых армейских ботинок моего размера.

— На первой раковине найдешь пасту и новую щетку. Внутри шкафчика, что рядом с зеркалом, лежит расческа и резинки для волос. В первой душевой кабине есть мыло, шампунь и жесткая мочалка.

Элиот еще раз брезгливо осмотрел мою бледную фигуру с ног до головы и коротко усмехнулся:

— Мойся тщательнее, Мирай.

Я оставляю его грубое замечание без ответа.

Мужчина выходит из душевой, со щелчком закрывая за собой дверь и оставляя меня в полном одиночестве. Не теряя ни единой драгоценной секунды, я быстрым движением стягиваю через голову грязную больничную рубашу и швыряю её в корзину для утиля. Затем, разорвав пакет, вытаскиваю

плотное нижнее белье, глухую черную рубашку армейского кроя и плотные черные брюки из жесткой ткани. Разложив комплект на скамье, я перехожу к первой кабинке и до упора поворачиваю вентиль смесителя.

Вода идет ледяная.

Пока трубы прогреваются, я подхожу к настенному шкафчику у зеркала, дергаю дверцу и забираю оттуда пластиковый гребень и простую черную резинку.

Вернувшись к кабинке, я протягиваю руку под струю — вода наконец пошла горячая, над полом начинает подниматься густой влажный пар. Не щадя кожи, я первым делом трижды тщательно промываю шампунем сальные волосы, смывая остатки медицинских растворов, а затем жесткой мочалкой оттираю всё тело от подсохших следов собственной крови.

После душа я насухо растираюсь жестким полотенцем, быстро переодеваюсь в выданную форму, чищу зубы и, тщательно расчесав мокрые пряди, туго перехватываю их на затылке в высокий хвост.

Я вплотную приближаюсь к мутному зеркалу над раковиной. Мои глаза... они ярко-синие, холодные, словно толща замерзшего глубокого озера. Мой разум мгновенно отмечает, что они один в один похожи на глаза того утреннего генерала. Скулы из-за сильной больничной худобы выделяются очень резко, проступая острыми углами, а бледные губы привычно сжаты в прямую, тонкую линию. Чистые белые во-

лосы ровным полотном блестят под лампами.

Внешне я выгляжу изможденной, но при этом совсем молодой.

Сколько же мне лет на самом деле?

Тяжелая дверь душевой распахивается с глухим, сильным ударом. Моя голова инстинктивно поворачивается на резкий шум приближающихся шагов.

Это точно не Элиот. Тот ходит гораздо тише, мягче и плавнее.

— Здравствуй, Мирай, — генерал без малейшего смущения заходит внутрь и скользит оценивающим взглядом по моей новой черной форме. Чувство стыда или элементарный такт у этого человека, судя по всему, отсутствуют напрочь. Он даже не удосужился постучать ради приличия. А если бы я в этот момент еще не успела одеться?

— Генерал, — коротко, сухо отзываюсь я, не двигаясь с места.

— У нас критически мало времени, машина внизу. Мы уже должны быть в пути.

— Куда именно мы направляемся? — спрашиваю я, наконец делая несколько шагов в его сторону и внимательно разглядывая его плотную темную маску.

— В сектор 40. В Столицу, — коротко бросает он и первым выходит в коридор.

Я быстрым шагом догоняю его, подстраиваясь под его широкий военный шаг. Мы целенаправленно идем по перехо-

дам в ту часть подземного комплекса, где я еще ни разу не была.

— Скажите, генерал... вы случайно не знаете, сколько мне полных лет? Я просто не успела вытянуть эту информацию из Элиота.

— Двадцать один, — без малейшего замедления или сомнения чеканит он.

— Зачем главному сектору понадобилось забирать меня к себе? Зачем я в сороковом?

Мы начинаем спускаться по крутой бетонной лестнице. Один пролет, второй, третий... Значит, мы уходим еще на три этажа ниже того уровня, где располагались операционные боксы.

— Получишь детальный инструктаж прямо на месте, — холодно отрезает мужчина.

Генерал толкает плечом тяжелую противопожарную дверь, и мы оказываемся в огромном, темном подземном ангаре. Эхо от наших шагов гулко разносится под высокими сводами. Протянув руку во мрак, Лион безошибочно находит рубильник на стене. Металлический щелчок — и пространство мгновенно озаряется рядами мощных прожекторов. Свет выхватывает из темноты контуры нескольких бронемашин, двух тяжелых танков старого образца и шеренгу армейских мотоциклов.

Генерал уверенно шагает к самому дальнему транспортному средству. Массивный черный внедорожник с усилен-

ной подвеской уже ждет нас, тихо поблескивая чистыми стеклами.

— Залезай в кабину, — командует он, привычным движением открывая водительскую дверь.

Я обхожу машину, дергаю тяжелую пассажирскую ручку, запрыгиваю на высокое сиденье и плотно застегиваю ремень безопасности.

Генерал поворачивает ключ в замке зажигания. Мощный двигатель внедорожника отзывается глухим, утробным рыком, и машина плавно трогается с места, направляясь к медленно расплзающимся створкам подземных ворот. Яркий, непривычный свет настоящего солнца мгновенно бьет по глазам через лобовое стекло. Внедорожник выезжает по наклонному пандусу наружу, на охраняемую наземную территорию научно-исследовательского института.

Солнечные лучи слепят лицо, я вынуждена сильно прищуриться, из-за чего практически ничего не вижу вокруг, но где-то глубоко внутри я чувствую мимолетный укол чистой радости от того, что наконец-то оказалась на свободе. Если, конечно, мою текущую ситуацию вообще можно назвать этим словом.

Внешние бронированные ворота периметра открываются, и генерал технично вклинивается в редкий поток других военных машин, идущих по трассе. Тишина, повисшая между нами в салоне, кажется почти осязаемой, напряженной. Мои внутренние ощущения при этом остаются странными,

непривычными.

Я по-прежнему абсолютно ничего не чувствую от его ментального поля. Никаких эмоций, никаких образов. Для моих экстрасенсорных способностей этот человек — как белый шум. Безупречный блок.

— Скажите, генерал, каков мой официальный статус и что конкретно я должна буду делать в секторе? — снова нарушаю я молчание.

Мужчина протяжно, тяжело вздыхает. Его синие глаза через прорези маски намертво прикованы к разбитому асфальту дороги перед нами. Он отвечает далеко не сразу, выдерживая паузу:

— Для начала ты будешь очень много учиться, — его глубокий голос в закрытом пространстве машины кажется еще более холодным и мрачным. Судя по всему, ему искренне не нравится тратить время на очевидные вопросы подопытной.

Закрыв рот, больше не издала ни одного слова. Откинув голову на подголовник, я просто поворачиваюсь к боковому окну и принимаюсь внимательно изучать унылый пейзаж за стеклом: серую ленту дороги, полузасохшие серые деревья и редкие остовы заброшенных пригородных домов. Много в этом мире было полностью разрушено войной и вирусом, но кое-какая инфраструктура всё же уцелела.

Мы едем в абсолютном молчании несколько долгих часов. Когда внедорожник делает редкие технические остановки на блокпостах, чтобы заправиться или дать мне возможность

посетить уборную, между нами циркулируют исключительно сухие, формальные уставные фразы.

Однообразная картинка за окном не меняется очень долгое время, убаюкивая сознание.

— Мы почти на месте, скоро прибудем, — внезапно разрезает он звенящую тишину салона.

Так оно и происходит. Буквально через несколько миль пути из серого марева перед капотом вырастают колоссальные, монолитные штурмовые ворота. Бетонные стены Столицы кажутся настолько исполинскими и высокими, что из-за них невозможно разглядеть внутреннее устройство города.

Когда машина пересекает условную линию контроля, тяжелые створки за нашей спиной со скрежетом смыкаются, но я практически не фиксирую этот звук, потому что полностью поглощена той невероятной картиной, которая открывается впереди.

Перед моим взором предстают высотные, абсолютно новые здания из стекла и бетона, идеальные ровные дороги, ухоженные зеленые деревья, разбитые парки, чистые искусственные озера и огромное количество благ цивилизации, которые, как мне казалось, этот мир потерял безвозвратно. Сразу видно, что сороковой сектор — это не просто укрепленный пункт. Это полноценная столица и главная цитадель выжившей Америки.

Мы движемся по чистым проспектам еще некоторое вре-

мя, пока перед бампером не возникают очередные, внутренние ворота охраняемого периметра. Навострив уши, я слышу шорох ткани — генерал небрежным движением достаёт старый армейский телефон из кармана своей куртки. Его лицо по-прежнему остается плотно скрыто под темной маской.

— Это Лион. Открывай внутренние ворота, — коротко бросает он в телефонную трубку.

Я вижу, как тяжелые заграждения начинают медленно раздвигаться в стороны. Машина снова плавно трогается с места. Внутри этих стен ландшафт резко меняется: здесь стоят аккуратные одноэтажные дома казарменного типа, а прямо в самом центре, в конце главной подъездной дороги, величественно возвышается административное здание, которое заметно выше и массивнее остальных построек. За жилыми домами на горизонте я успеваю заметить уходящие вдаль возделанные поля.

Внедорожник с тихим скрипом тормозит прямо перед центральным крыльцом администрации. Генерал первым глушит двигатель и выходит из машины, коротким кивком приказывая мне следовать за ним.

— Сначала ты по всем правилам поприветствуешь главнокомандующего сектором, а уже после этого я покажу тебе расположение отряда и всё остальное.

Увидев мой кивок, он удовлетворённо хмыкнул.

Первым в массивные двери здания снова уверенно заходит он. Моему взгляду открывается просторный, светлый

холл, в глубине которого берет начало широкая двойная лестница, ведущая на верхние уровни. По правую и левую сторону расходятся чистые коридоры, ведущие в другие служебные помещения. Мы не останавливаемся ни на секунду. Генерал без лишних слов указывает мне на ступени.

Мы быстро поднимаемся на второй этаж и заходим в первую же массивную дверь прямо по курсу. Внутри нас встречает просторный, залитый дневным светом рабочий кабинет. Обстановка выглядит образцово-показательно: ровные шкафы с плотными рядами книг, тяжелый письменный стол, стулья для посетителей, аккуратный журнальный столик и пара глубоких кожаных кресел.

За столом я сразу замечаю мужчину. Он выглядит заметно старше меня, но назвать его пожилым нельзя — ему совершенно точно чуть за сорок. На нем надета строгая, идеально отглаженная военная форма высшего командного состава.

Мужчина мгновенно фиксирует наше появление и вежливым жестом руки приглашает нас устроиться в креслах. Отложив в сторону ручку и бумаги, он поднимается из-за стола и присаживается напротив нас, занимая свободное место.

— Рад тебя видеть в добром здравии, Лион, — берет слово мужчина. На его жестком лице на мгновение появляется мягкая, мимолетная улыбка.

Так, значит, его настоящее имя действительно Лион... Запоминаем.

— А ты, надо полагать... — мужчина переводит свой вни-

мательный, цепкий взгляд прямо на меня. Я пытаюсь задействовать свои ментальные радары, но, как и в случае с генералом, не чувствую от него абсолютно ничего. Полная блокировка. — ...значит, Мирай. Я уже очень много наслышан о твоих феноменальных показателях в лаборатории Агнуса.

Я не могу считать его скрытые намерения, его разум для меня закрыт.

— Здравствуйте, — ровно выговариваю я.

— Меня зовут Рик, я здешний действующий главнокомандующий Столицы, — он вежливо улыбается одними губами. — А ты отныне... наш новый штурмовой солдат под прямым началом Лиона.

Мне становится по-настоящему интересно устройство этой иерархии, и я задаю вопрос:

— Скажите, если он носит звание генерала, почему в таком случае вы называете его просто командующим отряда?

Рик от души, громко рассмеялся, оценив мою прямоту. Лион же, сидящий в соседнем кресле, не выдал своего отношения ни единым движением тела.

— Скажу тебе кратко, Мирай, поскольку у меня сразу после этого визита запланирована еще одна критически важная встреча. Лион — непосредственный командир твоей новой тактической группы. Вас во всем отряде теперь ровно шесть человек, включая тебя саму. И все вы, без исключения — особенные, модифицированные существа. Лион точно такой же, как и вы, просто он значительно старше, опытнее и про-

шел через это гораздо раньше. Именно поэтому я принял решение назначить его вашим капитаном. Но для всех остальных регулярных армейских солдат сектора он по-прежнему остается действующим генералом Лионом.

— Я вас поняла, главнокомандующий.

— Ну вот и отлично. Добро пожаловать в сороковой сектор, Мирай. Всё остальное штатное расписание тебе подробно доведет Лион. Он же покажет тебе базу и твое жилое место.

— Хорошо.

— Лион, — Рик поворачивается к застывшему в маске генералу. — Жду тебя чуть позже у себя с подробным техническим докладом по транспортировке объекта. А теперь, если вы меня извините, я вынужден откланяться. Время поджимает.

Я и Лион синхронно киваем в знак уважения. Мы оба молча наблюдаем за тем, как Рик быстро поднимается со своего места, разворачивается и направляется к выходу. Он первым покидает кабинет, оставляя нас двоих.

Генерал Лион медленно встает из кожаного кресла и переводит свои пронзительные синие глаза на меня:

— Идем.

Глава 10. Настоящее

Мы шли долго, почти час. Размеренно миновали монументальные административные здания, тихие улочки, и я даже заметила небольшое уличное кафе. Самое настоящее кафе на территории закрытой военной державы Америки. Всё, что попадалось мне на глаза, заставляло меня мысленно содрогаться — у меня то и дело округлялись глаза, а дыхание то точно прерывалось, то становилось слишком частым. Все лужайки, ухоженные поля и редкие открытые участки между строениями были покрыты сочной, густой зеленью. Я уже очень давно не видела живую, не зараженную вирусом траву.

Лион молча вышагивал впереди. Его руки по-прежнему были жестко сцеплены за спиной, а походка оставалась идеально ровной, монолитной и уверенной. В шлейфе воздуха от его куртки отчетливо пахло крепким, свежесваренным кофе. Высокий, подтянутый и, наверное, по-своему красивый. Впрочем, последнее оставалось лишь догадкой — под плотной темной тканью маски и форменного капюшона были видны исключительно пронзительные синие глаза. Ни один сантиметр его кожи не был открыт солнцу.

— Рик упомянул, что ты подробно расскажешь мне про устройство этого места, — небрежно бросила я ему в спину, продолжая послушно идти следом.

Лион остановился как вкопанный и резко, в долю секунды развернулся ко мне всем корпусом. Движение было практически неуловимым для человеческого глаза, но мои рефлексy уже были отточены лабораторией до абсолютного предела. Я среагировала мгновенно: мягко отпружинила назад, увеличив дистанцию между нами ровно на два широких шага. Выброшенная для перехвата рука генерала поймала лишь пустой, разреженный воздух.

Он удивленно замер, глядя на меня сверху вниз. Несколько раз медленно моргнул, фиксируя расстояние. Его ладонь в перчатке так и осталась на мгновение висеть в пространстве. Я едва удержалась от короткого смеха при виде этой немой сцены, но вовремя осеклась, наткнувшись на его потяжелевший, хмурый и откровенно угрожающий взгляд.

— Первое, — Лион медленно выпрямился, опустил руку и теперь строго указал указательным пальцем вверх. — Ты не имеешь ни малейшего права обращаться так фамильярно к главнокомандующему этой страны. Называй его исключительно по званию и проявляй базовое уважение, Мирай. Во-вторых, — он поднял второй палец, чеканя каждое слово. — Отныне ты — солдат. Намертво вклинь эту мысль в свою черепную коробку. Ты будешь беспрекословно принимать приказы, и ты обязана четко следовать им до конца. И в-третьих... — его глубокий баритон внезапно потерял прежнюю категоричность и лед, прозвучав почти буднично. — Действительно хорошая реакция.

Больше не проронив ни единого слова, генерал развернулся ко мне спиной и коротким взмахом кисти приказал следовать за ним. Мои ноги автоматически зашагали вперед по асфальту, пока голова усиленно ассимилировала услышанную информацию.

Значит, здесь меня ждет точно такая же тюрьма, как и в стенах Института Агнуса. Вся разница заключалась лишь в том, что там меня держали взаперти в герметичном боксе и сковывали суставы жесткими кожаными ремнями. Здесь же я внешне свободна передвигаться по периметру, но по факту всё равно обязана беспрекословно служить системе и угождать чужим приказам.

Мы двигались по внутренней улице еще несколько минут, пока перед капотом не выросло одноэтажное, но очень длинное здание из серого кирпича. Над массивной входной дверью темнела четкая трафаретная надпись: *«Специальное учреждение»*.

— Здесь ты будешь временно жить вместе с остальными участниками штурмовой команды, — пояснил Лион, даже не повернув головы. — Чуть позже я официально познакомлю тебя с ними. Они находятся в расположении сектора уже два дня. Идем дальше.

Мы прошли чуть дальше по гравийной дорожке и снова зафиксировались перед следующим строением. Внешне оно очень напоминало типовой армейский спортзал.

— Это бывший тренировочный комплекс регулярной ар-

мии. Его полностью переоборудовали в специализированный зал для нужд вашей группы. Внутри есть абсолютно всё необходимое для вашей ускоренной физической подготовки к войне, — Лион указал рукой на дальний сектор за глухой стеной здания. — Там расположено открытое поле с полосой препятствий. С завтрашнего дня вы будете бегать там ежедневно. Дважды — утром и вечером. Весь план физических нагрузок, а также курс теоретических лекций о биологии и уязвимостях гулей я составил для вас лично. И контролировать ваш прогресс я тоже буду лично.

Генерал снова двинулся вперед, и я молча последовала за его широкой спиной. Мы остановились перед третьим, самым скромным зданием комплекса.

— Здесь будут проходить ваши теоретические занятия. Ровно по два часа в день. После этого у вас будет личное свободное время. Но предупреждаю сразу: практически весь световой день вы будете учиться защищаться, профессионально драться и максимально эффективно убивать.

Лион резко развернулся на каблуках и посмотрел прямо в мои глаза своим фирменным, пронизывающим до костей взглядом.

— Я буду жестко контролировать каждое ваше действие. Всё, что вы делаете или думаете, — строго отчеканил капитан. — Слушай меня предельно внимательно, Мирай. Ты меня хорошо поняла?

— Да, — спокойно ответила я, выдержав ментальное дав-

ление.

— В таком случае возвращаемся назад к вашему общежитию, если можно так назвать ваш будущий жилой блок.

Назад мы дошли значительно быстрее, поскольку Лион больше не делал никаких остановок для пояснений. Солнце за нашими спинами уже начало стремительно клониться к горизонту, и вечерний холод принялся медленно окутывать плечи своими сырыми руками. Между нами снова блуждала тяжелая звенящая тишина и плотное напряжение. Было заметно, что генерал постоянно собран, сосредоточен и, возможно, даже слишком серьезен для этой роли.

Тяжелую входную дверь общежития Лион открыл сам, вежливым жестом позволив мне войти первой, а затем зашел следом. Дверь за нашей спиной захлопнулась с глухим, сочным ударом. Ни один из нас даже не вздрогнул. Внутри помещения было по-домашнему тепло, пахло сухим деревом и чистотой.

Прямо перед нами уходил длинный коридор. По левую сторону располагались две широкие раздвижные двери из толстого прозрачного стекла. По правую сторону виднелись еще три глухие двери, но они были сделаны из обычного дерева и выкрашены в защитный зеленый цвет.

Лион раздвинул стеклянные створки и кивком приказал мне войти внутрь. Я оказалась в просторной гостиной. Прямо по центру стоял массивный диван из темной кожи, пара глубоких кресел и несколько кадок с живыми зелеными рас-

тениями. Чуть левее на стене висел большой плазменный телевизор, а рядом с ним аккуратно выстроились два высоких книжных шкафа, до отказа забитых плотными томами. Затем мы сместились в правую часть единого пространства, и моим глазам открылась очень светлая, современная кухня. В ней присутствовало абсолютно всё необходимое для полноценной готовки.

— Каждое утро дежурный персонал будет доставлять вам готовый завтрак, обед и ужин, — Лион указал на длинный обеденный стол, примыкающий к кухонному гарнитуру. — Тем не менее в большом холодильнике всегда есть свежие разноплановые продукты на тот случай, если кто-то захочет приготовить себе еду самостоятельно. Это на ваше личное усмотрение. Идем дальше.

Мы вышли обратно в коридор. Лион толкнул первую деревянную дверь — за ней скрывалась функциональная прачечная со стиральными и сушильными машинами. Капитан мимоходом пояснил, что если кто-то из нас не умеет пользоваться этой техникой, то в соседнем блоке постоянно дежурит помощник шеф-повара, которого всегда можно попросить прийти и помочь с бытом.

Следом Лион открыл вторую дверь, за которой обнаружилась просторная общая ванная комната. Внутри были установлены две душевые кабины, глубокая ванна и два широких фаянсовых умывальника, над каждым из которых висело персональное зеркало и индивидуальный шкафчик.

— Первый умывальник, что расположен ближе к дверному проему, закреплен за парнями, — он указал на левую зону. — Второй — исключительно для вас, девушек. Внутри зеркального шкафчика уже разложены все необходимые базовые гигиенические принадлежности. Если вам потребуется что-то докупить или заменить, просто составьте подробный письменный список, отдадите листок лично мне, и я обеспечу доставку.

За третьей зеленой дверью оказалась обычная бытовая кладовая. Внутри ровными рядами хранились самые разные вещи: запасные теплые одеяла, подушки, ящики с лежкими овощами, швабры, метлы и прочий инвентарь для уборки.

— Дальше по коридору по обе стороны располагаются ваши спальни, а в самом тупике обустроен ваш личный тренажерный зал.

Мы медленно пошли по коридору мимо пяти плотно закрытых дверей и остановились перед предпоследней.

— Прежде чем ты займешь свою комнату и разложишь вещи, давай я быстро покажу тебе наш спортивный тупик, — предложил капитан. Я молча кивнула.

Лион толкнул последнюю дверь в конце коридора, щелкнул выключателем и отступил на шаг в сторону, давая мне возможность рассмотреть внутреннее пространство.

Тренажерный зал был сравнительно небольшим, но укомплектованным по высшему разряду для удержания измененного тела в тонусе. Здесь сталью поблескивали три современ-

ные беговые дорожки, комплексный силовой тренажер для рук, отдельный блок для ног, ровные ряды тяжелых гантелей, штанги разного веса и плотные маты для растяжки.

— Выглядит почти нереально, — не удержалась я от комментария, оглядывая хромированные детали. — Я уже очень давно не видела работающие спортивные тренажеры. Да и вообще, все эти бытовые предметы... мне казалось, они навсегда утеряны для этого мира после прихода вируса. Как вам удалось добиться того, чтобы всё это функционировало здесь, в закрытом секторе? Это же требует колоссального количества дефицитной электроэнергии.

— Скажу коротко, — Лион лениво прислонился плечом к косяку и привычным движением скрестил руки на груди. — Высшее правительство Столицы кровно заинтересовано в том, чтобы наша группа как можно скорее зачистила внешние территории от остатков вируса и полностью избавила континент от монстров. Поэтому военные предоставили нам безлимитные ресурсы, чтобы вы учились в разы быстрее и без задержек приступили к своей боевой миссии.

«Но ведь мы, по сути, тоже являемся монстрами в их понимании. Не означает ли это, что после выполнения задачи они точно так же цинично избавятся и от нас?» — на мгновение промелькнула в моем сознании ледяная, трезвая мысль. Но вслух я произнесла лишь:

— Я вас поняла, капитан.

— Отлично. Идем обратно.

Я подошла к предпоследней двери, и сама толкнула створку своей комнаты. Место, где мне предстояло жить неопределенный срок. Внутри всё было обустроено довольно просто, лаконично, но идеально чисто. В самом центре комнаты, прямо напротив широкого окна, стояла большая двуспальная кровать. По обе стороны от мягкого изголовья расположились две аккуратные прикроватные тумбочки, на полированных поверхностях которых виселись небольшие ночники. Стены были покрашены в ровный белый цвет, а на полу лежал плотный шерстяной ковер в контрастную черно-белую полоску. С левой стороны от входа висел вместительный платяной шкаф для верхней одежды, а с правой — массивный комод.

— В шкафу уже развешана твоя повседневная одежда разных типов. Но для плановых тренировок и бега на поле там предусмотрен отдельный плотный спортивный костюм. В ящиках комода интенданты подготовили для тебя новое нижнее белье, плотные носки, майки, мягкий халат и закрытый ночной комплект, — Лион на секунду задумался, внимательно посмотрев на мою бледную фигуру. — Опять же, как и в случае с продуктами или средствами гигиены: если тебе экстренно понадобится что-то еще, просто напишешь мне записку.

— Откуда интенданты базы вообще могут знать мои точные физические размеры и всё остальное? — пребывая в легком шоке от такой детальной осведомленности, спросила я.

— В Институте Агнуса перед твоей транспортировкой медики до миллиметра замерили все твои антропометрические параметры, чтобы заблаговременно закупить и доставить весь этот комплект. Здесь были полностью осведомлены о твоём скором прибытии ещё два дня назад.

Ого. У меня на секунду просто не нашлось подходящих слов. Система работала как безупречно смазанный часовой механизм.

— Отдохни пока с дороги, Мирай. Если есть желание, можешь ещё раз принять горячий душ и переодеться в гражданское. С остальными ребятами из группы я официально познакомлю тебя уже за ужином в гостинной. Сейчас они все находятся на стрельбище в дальнем секторе.

— Хорошо.

Лион не стал задерживаться в дверях дольше необходимого. Он резко развернулся и ушел по коридору так стремительно и бесшумно, что мне на мгновение показалось, будто от подошв его тяжелых армейских сапог пошел едва заметный дым.

Первое, что я сделала, оставшись одна — устроила кровати полноценный тест-драйв. С короткого разбега я прыгнула на матрас и с размаху уткнулась носом в прохладные подушки. Кровать оказалась невероятно мягкой, удобной, а постельное бельё отчетливо пахло кондиционером и безупречной чистотой. В таком положении, замерев и впитывая непривычный комфорт, я пролежала несколько минут. На-

конец, с затыжным, глухим стоном я заставила себя подняться и на коленях подползла к большому платяному шкафу.

Я распахнула тяжелые деревянные створки. Мои глаза невольно расширились от удивления — внутри висело действительно много самых разных вещей, причем не казенного серого цвета, а вполне гражданских, приятных оттенков. Медленно перебирая вешалки пальцами, я остановила свой выбор на плотных черных джинсах и свободной синей кофте с высоким воротником. Выдвинув верхний ящик комода, я обнаружила несколько аккуратных комплектов качественного белья, разнообразные носки и хлопковые пижамы. Быстро выхватив первый попавшийся комплект черного цвета, я резко задвинула ящик обратно, словно стесняясь собственного любопытства.

Выскользнув в пустынный коридор, я дошла до ванной комнаты и быстро заперлась изнутри. Повернув защелку, я наконец смогла перевести дух. Теперь можно было не опасаться, что кто-то из посторонних бесцеремонно ворвется внутрь, пока я занята гигиеной.

Перед тем как включить воду, я открыла наш зеркальный шкафчик и сразу заметила внутри две новые зубные щетки в упаковках, тюбик пасты, удобный гребень, а также увлажняющие кремы для рук и лица. Быстро распаковав щетку, я тщательно почистила зубы и вернула всё на свои строго отведенные места.

Приняв расслабляющий теплый душ, я переоделась в чи-

стые джинсы и кофту, а жесткую лагерную форму аккуратно сложила в корзину для грязного белья у входа. В завершение я тщательно умылась прохладной водой, нанесла немного защитного крема на кожу лица и рук, а затем решила полностью вытащить резинку, позволив длинным белым волосам свободно рассыпаться по плечам.

Вернувшись в свою комнату, я подошла к широкому окну, осторожно отодвинула в сторону плотные шторы и посмотрела на улицу Столицы. Во дворе уже почти окончательно стемнело. Вокруг здания общежития царила оглушительная, непривычная, слишком глубокая тишина. Задержав ткань обратно и отрезав себя от внешнего мира, я забралась на мягкую кровать, вытянулась во весь рост, и сама не заметила, как мгновенно провалилась в глубокий, спокойный сон без сновидений.

Разбудил меня лишь отчетливый, настойчивый стук в деревянную дверь.

Глава 11. Настоящее

Дверь спальни распахнулась на всю длину с сокрушительным, бесцеремонным грохотом. От неожиданности моя срабатывавшая на опережение реакция сыграла со мной злую шутку: я кубарем свалилась с высокой кровати и глухо приземлилась на мягкий ковер. Руки при этом инстинктивно скрутились за спиной в защитном блоке — со стороны наверняка казалось, будто они неестественно вывернуты или вовсе сломаны.

— Ой! — пискнул тонкий, удивленный девичий голос прямо над головой.

Тяжелые, уверенные шаги раздалились по комнате, и в моё поле зрения медленно вошла незнакомка. У нее были точно такие же, как у меня, льдисто-синие глаза и абсолютно белые волосы. На ее симпатичном лице застыла причудливая смесь из искреннего удивления и едва сдерживаемого смеха.

— Прости, — покаяние в ее звонком голосе отсутствовало напрочь. — Я никак не ожидала, что ты с ходу так эффектно свалишься с кровати.

Она открыто, вызываяще улыбнулась.

Игнорируя ее гипотетическую помощь, я самостоятельно поднялась на колени, уперлась ладонями в ворс ковра и осторожно подвигала всем телом. Убедившись, что внутренние системы в полном порядке и регенерации не придется экс-

тренно сращивать кости, я пружинисто встала на ноги и поравнялась с этой девушкой. Она была разительно похожа на меня биологически, но одновременно с этим — совершенно на меня не походила.

— Кстати... — начала она, но я не дала ей договорить.

Я не смотрела ей прямо в лицо, а принялась методично, как в лаборатории, сканировать ее фигуру с ног до головы. Девушка была одета в плотные черные легинсы, которые очень выгодно обрамляли ее явно накачанные, сильные ноги и плотные бедра. Мой взгляд поднялся чуть выше по рельефному телу: открытый плоский живот, четкие полосы пресса, аккуратный пупок. На ней был надет короткий спортивный топ, а на бедрах крепились широкие кожаные ремешки-портупеи для фиксации тактического оружия. Я перевела глаза еще выше и наконец дошла до ее головы. Незнакомка была на полголовы выше меня, а ее кожа имела приятный смуглый оттенок, который разительно контрастировал с моей мертвенно-бледной, почти прозрачной белизной. Белые волосы были коротко, дерзко подстрижены. Её синие глаза в этот момент точно так же молча изучали меня в ответ, пока я занималась визуальным анализом. С ее губ не сходила легкая, хищная улыбка. Выглядела она сурово, но одновременно с этим — безупречно красиво. Чистокровная европейская внешность.

— Я Лика, — она уверенно протянула мне ладонь для приветственного рукопожатия.

— Было бы очень неплохо, Лика... — медленно начала я, в упор глядя в ее холодные синие омуты, — если бы ты для начала научилась просто стучать в закрытую дверь, а уже потом вваливаться в чужую комнату.

— Ну, прости, — и снова эта реплика прозвучала максимально неискренне.

Мои рецепторы продолжали фиксировать малейшие детали ее внешности, и тут я заметила то, что ускользнуло от меня при первом взгляде. В самой глубине ее синей радужки четко проступали крошечные, изумрудно-зеленые точки-вкрапления. Это было чертовски интересно. У генерала Лиона в его синих глазах я не смогла разглядеть ровным счетом ничего — только глухой арктический лед.

— У тебя красивые длинные волосы, — Лика фамильярно подняла руку, намереваясь коснуться моих светлых прядей, но я отработанным движением резко отступила на шаг назад. Ее пальцы снова поймали лишь пустоту.

— Прости уж, Лика. Но я не давала тебе официального разрешения до меня дотрагиваться, — жестко, чеканя каждое слово, вывела я ей прямо в лицо.

Лика внезапно рассмеялась — так громко и заливисто, что ее смуглая кожа аж слегка покраснела от прилива крови и внутреннего напряжения. Она на секунду картинно изогнулась в спине от хохота, но затем моментально вернула себе абсолютно спокойное выражение лица, а тело послушно выровнялось по струнке.

— А ты действительно интересная штучка. Как тебя зовут? — спросила она уже совершенно нормальным, деловым тоном.

— Мирай.

— Идём, Мирай. Нас всех уже ждут в гостиной на общий инструктаж, — она шутливо приставила указательный палец к виску и симитировала выстрел. — Собственно, поэтому я сюда и пришла. И да — я учту на будущее, что к тебе нужно стучаться.

Лица резко развернулась на каблуках и первой вышла из моей комнаты в темный коридор. Я бросила быстрый взгляд на свой внешний вид в зеркале комода.

Одежда сидит ровно. Вполне приемлемо.

Окинув спальню прощальным взглядом и не заметив никаких посторонних деталей, я шагнула следом и плотно прикрыла за собой дверь. В этот раз коридор показался мне значительно уже, чем пару часов назад, к тому же верхний свет был полностью выключен, и густая полутьма буквально обволакивала мое тело с ног до головы.

Я осторожно, стараясь не шуметь подошвами, пошла вперед на тусклый свет, струящийся из-за стеклянных дверей гостиной. Сделав глубокий внутренний вдох, я решительно переступила порог общей комнаты.

Ух ты. Сколько же здесь людей.

Первой мне на глаза попала Лица — она уже вольготно устроилась на кожаном диване, успев перехватить со стола

большую кружку с чем-то аппетитно дымящимся. Чуть поодаль, в глубоком кресле, сидела еще одна девушка. У нее тоже были фамильные синие глаза и белые волосы, но в отличие от нас ее локоны были длинными, густыми и забавными кудряшками рассыпались по плечам. На ее аккуратном носу я отчетливо разглядела россыпь мелких веснушек. В зоне кухни у натертой стойки возились трое парней. Двое из них имели такой же смуглый оттенок кожи, как у Лики, а третий оказался обладателем точно такой же мертвенно-бледной, почти прозрачной кожи, как у меня. И, разумеется, как у всех присутствующих в этом блоке, их лица украшали льдисто-синие глаза и коротко остриженные, жесткие белые волосы.

Одеты все были подчеркнуто разношерстно, кто во что горазд: кто-то в легких домашних шортах и майках, кто-то в обтягивающих леггинсах и топах, а кто-то, как и я, выбрал плотные гражданские штаны и закрытые кофты.

Парни на кухне увлеченно и громко о чем-то спорили. Я инстинктивно настроила свой слух, прислушиваясь к их разговору. До меня долетали обрывки их комментариев по поводу сегодняшней дневной тренировки на стрельбище — судя по всему, они отрабатывали ведение огня из тяжелых снайперских винтовок. Им определенно понравилось поражать сверхдальние мишени.

Мужская половина отряда мое появление пока не зафиксировала. Чего нельзя было сказать о девушках — обе пря-

мо сейчас молча сидели на своих местах и буквально препарировали меня взглядами, словно я была редкой музейной куклой или неизвестным научным экспонатом.

Внезапно по моей спине пробежал яростный рой колючих мурашек. До слуха долетели тяжелые шаги в коридоре и резкий звук открывающейся входной двери. Я замерла у самого входа, не делая ни шагу в сторону.

— И почему мы стоим здесь посреди прохода как вкопанные? — его глубокий баритон громом разнесся прямо за моей спиной. Как всегда — подчеркнуто грубый, резкий и холодный.

Лион не стал дожидаться моего ответа или оправданий. Он просто технично обошел меня по дуге и направился прямо к дивану, где сидели девушки. Однако капитан не сел — он встал прямо перед ними, полностью заслонив собой огромный плазменный телевизор своим высоким, мощным и неестественно накачанным телом. Я медленно подняла глаза на его голову, и волна искреннего удивления мгновенно пропечаталась во всем моем теле, отразившись на лице. У него тоже были белые волосы. Короткие, блестящие, жесткие белые волосы, в точности как у всех нас.

Боже мой...

Тяжелое, обухом бьющее осознание того, что все эти ребята прошли через те же самые круги ада и медицинские эксперименты, что и я, яркой вспышкой озарило мой разум. Нас всех целенаправленно создавали с одной-единственной це-

лю — для тотального истребления биологической заразы в этом погибшем мире. Гули заполонили каждый квадратный метр за пределами секторов, и главное, ультимативное оружие правительства против них — это вовсе не тяжелые танки, бронемашины или тактические бомбы. Это мы. Живые люди из плоти и измененной крови.

Но зачем военным всё это? Зачем было издеваться над младенцами, проводить чудовищные эксперименты над человеческим геномом, когда у них и так в избытке высокотехнологичного оружия? Почему им потребовалось искусственно выводить именно нас? Какую колоссальную выгоду преследует Столица?

И главное — подсознательное знание того, что в самом конце пути, когда миссия будет завершена, система обязательно нас уничтожит. Потому что мы физически не сможем вписаться в нормальное человеческое общество. Для них мы — точно такие же опасные монстры, как и те, что бегают в руинах.

— Парни! — чуть строже и громче произнес Лион, моментально отвлекая троицу на кухне от их увлеченной беседы. — Живо на диван. Садитесь.

Молодые люди без малейших возражений или шуток послушно отошли от кухонной стойки и цепочкой присели на свободный край дивана, прямо рядом с Ликой. Девушка сидела, вальяжно закинув ногу на ногу, и жадно, с явным превосходством разглядывала парней, пряча лукавую улыбку за

краем своей дымящейся кружки.

Я по-прежнему сидела или, вернее, стояла каменным изваянием у самого входа в гостиную, во все глаза рассматривая эту странную компанию. Все мы были абсолютно разными внешне, но одновременно с этим — пугающе одинаковыми. Всё это выглядело настолько дико и иронично, что из моего нутра чуть было не вырвался короткий, истерический смешок.

Когда все окончательно расселись по местам, они синхронно, как по команде, повернули свои головы в мою сторону. У всех были разные лица, разные выражения: у кого-то читалось неприкрытое удивление, у кого-то — профессиональный интерес, у кого-то — обычное человеческое любопытство.

Мой взгляд в упор встретился с холодными синими глазами Лиона. У капитана медленно приподнялась левая бровь в немом, крайне красноречивом вопросе. *«Что ты там застыла?»* Он раздраженно, шумно выдохнул через нос.

— Мирай, подойди сюда, — четкий приказ сорвался с его губ.

Мне искренне не хотелось с самого первого дня усугублять и без того натянутые отношения с командиром, поэтому сразу после его слов мои ноги послушно пришли в движение, и я подошла вплотную к его монументальной фигуре.

— Я не собираюсь задерживать вас здесь слишком долго, — строго начал Лион, обводя притихший отряд тяжелым

взглядом. — Сегодня вечером в ваши обязанности входит только базовое приветствие и ничего более. Напоминаю, что завтра ровно в десять часов утра у вас по плану тяжелая пробежка на десять кругов по внешнему полю, а сразу после нее — изнуряющая силовая тренировка.

Его голос звучал абсолютно сухо, чеканно. Этот человек всегда говорил исключительно по делу, не допуская лишней словесной шелухи.

— Мирай, — я резко повернула голову на звук своего имени и уставилась на него не мигая. — Это твои будущие партнеры по тактической группе. Вы не друзья, но у вас отныне одна общая миссия на всех: сначала вы ускоренно учитесь, а затем выходите за периметр и методично истребляете гулей. Ваша боевая работа — это исключительно командное взаимодействие. Так что начинайте узнавать друг друга как можно лучше уже сейчас, чтобы в критический момент на поле боя вы могли прикрыть чужую спину. Вы здесь друг другу не враги.

Мы обменялись быстрыми беглыми взглядами по кругу. Ребята на диване понимающе улыгнулись, и я, поддавшись общему импульсу, тоже выдавила из себя подобие вежливой улыбки.

— Давайте начнем представление по порядку, с тебя, Аврора, — Лион перевел взгляд на кудрявую с веснушками на носу. — Коротко: твое имя, боевая способность и сектор происхождения. Конец цитаты.

Из-за того, что я стояла вплотную к командиру, мои обострившиеся рецепторы снова отчетливо уловили густой запах дорогого кофе, а также еще какой-то странный, едва уловимый химический маркер, природу которого я никак не могла распознать. Но это было еще не всё. На глубинном, подсознательном уровне я буквально кожей ощущала от него странные, едва заметные вибрации, которые словно пытались войти в резонанс с моим собственным внутренним полем. Между нами словно висело колоссальное облако недосказанности, не заданных вопросов и скрытых ответов. Мои мысли в этот момент превратились в абсолютную кашу: как такое вообще возможно? Мы ведь никогда не были знакомы до сегодняшнего утра.

«Кто же ты такой на самом деле, генерал Лион?»

— Привет, Мирай, — мягкий, приятный, словно пушистый голос Авроры заставил меня вынырнуть из собственных размышлений и переключить внимание на нее. — Как уже наглядно объяснил наш командир, меня зовут Аврора. Мне полных двадцать один год, меня доставили сюда из двадцать седьмого сектора. Моя ключевая биологическая способность заключается в направленном контроле чистой энергии, в частности — электричества. Плюс при максимальной концентрации я способна вызвать локальную погодную бурю. Ну и, разумеется, у меня присутствует ускоренная регенерация тканей, как и у всех в этой комнате.

Я вежливо кивнула в знак приветствия, мысленно оце-

нивая ее рассказ. У нее была невероятно полезная, разрушительная способность, чего точно нельзя было сказать обо мне. Я до сих пор без понятия, смогу ли я хоть как-то применить свое чтение чужих намерений в реальном хаосе на поле боя против безумных тварей.

— Мы с тобой уже успели немного познакомиться в спальне, — пренебрежительно выговорила Лика, выдержав короткую паузу. — Но всё же я представлюсь по форме перед всеми. — Было очевидно, что она классическая высокомерная особа. — Меня зовут Лика, мне тоже двадцать один год, я сирота из тридцать пятого сектора. Мои уникальные способности: помимо стандартного исцеления ран, я умею точно укреплять молекулярную структуру своего тела — моя кожа и кости становятся прочнее титана, я могу голыми руками пробивать бетонные стены. Плюс у меня невероятно зоркий взгляд, я способна без оптики видеть детали на огромных расстояниях.

Эта девица мне определенно не нравилась с первой секунды. Тем не менее я заставила себя вежливо кивнуть ей в ответ. Оставалось лишь надеяться, что в будущем у нас не возникнет открытых внутренних конфликтов на этой почве.

— Привет! — чуть громче, чем следовало по уставу, весело выкрикнул первый смуглый парень. — Я Ронан. Мне, как и всем здесь, стукнуло двадцать один, я родом из шестого сектора. Со мной в команде ты всегда будешь пребывать в исключительно хорошем настроении! — он задорно под-

мигнул мне.

Искреннее озорство буквально озарило его симпатичное лицо. Я невольно улыбнулась в ответ на этот жест, а вот Лион рядом со мной ощутимо нахмурился.

— Моя боевая способность... — Ронан демонстративно кашлянул в кулак, привлекая внимание. — Помимо регенерации, я умею полностью исчезать из видимого спектра.

В подтверждение своих слов он на долю секунды буквально растворился в воздухе, оставив кресло пустым, а затем с тихим хлопком снова появился ровно на том же самом месте, где и сидел.

— Как... как это вообще физически возможно?! — не удержавшись, потрясенно выдохнула я.

— Мы сами до конца не знаем, — спокойно, безэмоционально ответил за него Лион. — Его случай — это уникальное генетическое исключение, даже ведущие исследователи Института Агнуса не смогли дать нам конкретный научный ответ. Их финальные мысли склоняются к тому, что в его случае произошло агрессивное скрещивание ДНК маскировочной ящерицы с его собственной структурой на фоне сыворотки из крови гулей. Это самый правдоподобный вариант на сегодня. Давайте дальше, без задержек.

— Привет, Мирай, — я перевела взгляд на следующего парня, который обладал таким же приятным смуглым оттенком кожи, как и Ронан. — Моё имя Тарикс. Возраст у меня точно такой же, как у всей нашей честной компании.

Мой родной регион — семнадцатый сектор. Моя основная фишка, помимо регенерации костей, заключается в том, что я способна развивать колоссальную скорость бега. Я передвигаюсь в разы быстрее боевых машин и некоторых типов штурмовых самолетов на взлете.

— Ну а я... — негромко взял слово последний молодой человек. — Меня зовут Юлиан.

Он был удивительно красив, даже как-то по-женски утончен. У него были невероятно правильные, мягкие черты лица, а синие глаза буквально лучились абсолютным, непоколебимым спокойствием. На первый взгляд казалось, будто у него слишком худое, хрупкое телосложение, но это было иллюзией — под легкой майкой угадывалось идеально стройное, жилистое и явно сильное тело.

Таким он казался при поверхностном осмотре. Однако что-то в его внутреннем ментальном фоне меня подсознательно очень сильно напрягало. Мои радары отчетливо фиксировали в нем пугающую двойственность. Он словно был одновременно и собой, и кем-то еще. Этот парень в определенные моменты мог становиться по-настоящему страшным существом.

Юлиан на мгновение замолчал и бросил короткий, вопросительный взгляд на стоявшего рядом со мной генерала. Он словно замялся, не зная, стоит ли раскрывать карты. Капитан едва заметно кивнул ему головой, и парень видимым образом расслабился, продолжив:

— Мне тоже двадцать один год. Я прибыл из тридцать четвертого сектора. Мои боевые способности... — он глухо вздохнул. — Я умею на клеточном уровне превращаться... ну, в некое подобие полноценного дикого гуля. Моя мышечная структура в этот момент кардинально меняется, тело становится чуть больше, массивнее и в разы сильнее. И при этом у меня активируются точно такие же биологические особенности, как у них: сверхбыстрые рефлексy, я начинаю улавливать их мысли, обостряется слух, нюх, и я могу временно подключаться к их коллективному интеллекту.

— Да это же чертовски круто, парень! — Тарикс, сидевший по правую руку от него, с размаху похлопал товарища по плечу в знак искреннего восхищения.

А вот я... я пребывала в полном, сокрушительном унынии и удивлении. Все они были в разы, в сотни раз лучше и полезнее меня. Каждый из них обладал уникальным, смертоносным даром. Их способности словно изначально проектировались учеными именно для эффективного ведения тотальной войны на уничтожение. Они все были гораздо нужнее этой стране, чем я.

«Их наверняка целенаправленно создавали и модифицировали с самого рождения», — почему-то именно эта ледяная мысль четко промелькнула в моей голове.

— Мирай? — резкий голос Лиона мгновенно вернул меня обратно в реальность гостинной, заставив сфокусироваться на отряде.

— Простите, — я слегка прочистила внезапно пересохшее горло. — Меня зовут Мирай. Мне, как и всем вам, тоже полных двадцать один год. К сожалению, я без понятия, из какого я сектора и откуда меня изначально привезли. Что касается моих боевых способностей... Ну, они вообще никак не могут сравниться с вашими дарами, вы все здесь такие крутые...

— Мирай, ближе к делу, — еще строже и категоричнее отчеканил Лион у меня над ухом.

— Помимо стандартной регенерации тканей, я обладаю способностью ментально считывать истинные намерения окружающих людей, — я резко закрыла рот, заметив, как на их лицах мгновенно проступило глухое недоверие и напряжение. Я поспешно вскинула ладони вверх, капитулируя. — Всё в порядке, расслабьтесь! Я физически не могу читать никого из вас, ваше поле закрыто для меня. Включая генерала тоже, его разум — абсолютный блок. Плюс у меня просто очень хороший слух и острый нюх. Это всё, чем я могу похвастаться.

Генерал Лион как-то странно, по-особенному прищурил свои синие глаза, пристально вглядываясь в мое бледное лицо через прорези маски, но вслух ничего не сказал. Он, судя по всему, что-то для себя понял из моей речи, но предпочел сохранить это в тайне от остальных.

— Хорошо. На этом вводная часть окончена, можете отдыхать, — Лион плавно развернулся корпусом к дверям и

уверенным шагом скрылся в темноте коридора общежития.

— Мирай, может, ты хочешь чаю с дороги? — нежный, дружелюбный голос кудрявой девушки мгновенно привлек мое внимание.

Аврора мягко поднялась со своего кресла и направилась в сторону светлой кухонной зоны.

— Знаешь, я совсем не против, — ответила я, направляясь вслед за ней.

Глава 12. Настоящее

Утро началось ровно в шесть. Мы все стояли на поле за общежитием в одинаковых спортивных костюмах, ожидая начала.

Вчерашний вечер, после того как Лион исчез, прошел удивительно легко. Мы много разговаривали, ужинали, пили чай. Общение с Ликой оказалось неожиданно приятным: да, она была немного заносчивой и строгой, но в ней была яркая искра, которая мне нравилась. Аврора оказалась настоящей душкой — мягкой и общительной. Парни за один вечер стали для меня почти как братья, лишенные всякого пафоса, что вполне объяснимо — кто будет красоваться, зная, что нас ждет впереди? К концу вечера я поняла: мы станем отличной командой, которая будет понимать друг друга с полуслова.

Проснувшись в пять тридцать, я успела быстро принять душ после Ронана, почистить зубы и переодеться. Волосы заплела в тугую косу, чтобы не мешали при движении.

И вот, будто материализовавшись из воздуха, перед нами возник Лион. Он выглядел невероятно мужественно — своевольный, подтянутый, красивый. Сегодня он был в спортивном костюме, без маски, и я видела его хмурое лицо. Видимо, кто-то успел его сегодня разозлить.

— Доброе утро, — его голос прозвучал сухо. — Прежде

чем вы начнете бег, разомните мышцы. По двадцать пять приседаний, по двадцать пять наклонов вправо и влево, затем пятьдесят прыжков на месте. Разогрейтесь как следует. Приступить.

Он хлопнул в ладоши и отошел в сторону. Мы начали выполнять упражнения. Тело быстро откликнулось жаром — моя выносливость была катастрофически низкой, и я понимала, что предстоит огромная работа. После разминки мы потянулись и подготовили стопы к нагрузке.

— Этого достаточно, — Лион лениво указал на огромное поле. — Десять кругов.

— Почему только десять? — подал голос Тарикс.

— Ну, кто-то из вас сегодня впервые выходит на дистанцию, — отозвался Лион. После этих слов все взгляды скрестились на мне.

— Так в чем проблема? — хмыкнула Лика. — Она может пробежать десять, а мы — по двадцать пять, как обычно.

— Делайте как знаете, — равнодушно бросил Лион.

Я ничего не ответила. Не хотелось геройствовать или доказывать что-то — я чувствовала, что даже десять кругов для меня будут испытанием. Ребята плавно ушли на дистанцию, а я начала свой бег. Ноги, не привыкшие к такой нагрузке, горели. К шестому кругу мне казалось, что я задыхаюсь — хотя я и не могла умереть вот так просто, отдышка была мучительной. К восьмому я начала видеть «звезды» вместо яркого солнца, а к десятому все вокруг превратилось в туман.

Кто-то сильными руками подхватил меня за талию, не давая упасть лицом в грязь. Я тяжело дышала, пот градом капался с лица. Запах кофе — я не видела его, но точно знала, что это Лион. Он помог мне выпрямиться. Когда дыхание немного выровнялось, я увидела его лицо. Он смотрел на меня с нескрываемым хмурым удивлением.

— Я не ожидал, что ты настолько слабая, — констатировал он.

— Ну, я и сама этого не знала, — язвительно ответила я.

Он отпустил мою талию и сделал шаг назад. Его взгляд пробежался по мне снизу-вверх, и, встретившись с моими глазами, он нахмурился еще сильнее.

— Как бы... я не помню своего прошлого, — я сделала глубокий вдох. — Когда я очнулась в той комнате, на столе, я ничего не помнила. Кто я, откуда, есть ли у меня семья... — мой голос прозвучал жалко.

Лион замер. Его глаза на мгновение закрылись, и он выдохнул — кажется, с облегчением. Я видела, как он едва заметно качнулся, словно его что-то выбило из колеи.

— Что-то случилось? — тихо спросила я.

— Когда придет время, я тебе всё скажу, — его голос странно надломился.

Он выглядел холодным, но в его облике промелькнуло что-то еще — вина? Неизвестность? От чего же тебе так не по себе, генерал?

— Хватит, — отрезал он, возвращая себе маску равноду-

шая.

После пробежки ребята, даже не запыхавшись, ждали дальнейших указаний. Лица ободряюще улыбнулись мне:

— Ты очень хорошо продержалась для первого раза.

В ее словах была и доля сарказма, и какая-то странная доброта. Я лишь кивнула в знак понимания.

— Так, — Лион посмотрел на экран телефона. — У вас два часа на завтрак и отдых. В девять жду в тренировочном зале.

Завтрак в общежитии прошел быстро, а время пролетело незаметно. После душа и короткого сна мы переоделись в плотную тренировочную одежду и направились к спортзалу. Внутри нас ждал Лион и еще один мужчина.

— Рад видеть вас, — Лион оглядел нас. — К сожалению, я не могу сегодня проводить тренировку, у меня задание. Сегодня с вами будет работать мой хороший друг, Дьюк.

Лион исчез так же внезапно, как появился, оставив нас с сержантом.

— Приятно познакомиться. Я Дьюк, сержант под командованием генерала Роджерса, — представился он.

Почему меня не покидает чувство, что я его знаю? Это невозможно, но от него веяло чем-то до боли знакомым.

— Представьтесь, и начнем, — скомандовал он.

Когда очередь дошла до меня, я замолчала. Я ясно ощущала его намерения — от него исходила горечь и что-то соленое, похожее на слезы. Он винил себя в чем-то, но наме-

рения помочь нам у него были искренними. Мы молча смотрели друг другу в глаза, пока он не закрылся от меня. Я с трудом выдавила свое имя.

Спарринги начались после разминки. Дьюк предложил мне выбрать соперника, но я отказалась, и Тарикс вызвался сам.

Я стояла на матах, стараясь дышать ровно. Тарикс сосредоточенно смотрел на меня, его мышцы напряглись. Для него это была техника, для меня — поток данных. Я видела малейшее сокращение его мышц, прежде чем удар достигал цели. Это было похоже на танец: он выбрасывал руку, а я просто «не оказывалась» в том месте, куда она летела.

— Как ты это делаешь? — выдохнул он, когда я очередной раз уклонилась.

— Ты попросил меня смотреть внимательнее. Я помню то, что говорила о своих рефлексх.

Тарикс перестал «боксировать» и попытался схватить меня, но я не рассчитала траекторию и споткнулась. Он среагировал мгновенно, подхватывая меня, и мы вместе повалились на маты, начав смеяться. Остальные зааплодировали.

— Ничья? — спросил Тарикс.

— Ты победил, — ответила я.

Дьюк проанализировал наши ошибки. Он оказался внимательным наставником: исправлял стойку, движения, объяснял, как защищаться. Я сидела у стены, наблюдая за ними и сохраняя каждое движение в памяти.

Позже Дьюк присел рядом со мной.

— Ты грязно играешь, Мирай, — улыбнулся он.

Ощувив его намерения, я улыбнулась. Он был счастлив, чувствуя вкус банана где-то в глубине души, в отличие от утренней печали.

— Иногда это необходимо, — ответила я, глядя на него.

— Честность в нашем мире — это как тупость. Лучше быть умнее стандартов.

— Я скажу генералу свои наблюдения, и ему не понравится мой комментарий про тебя, — хмыкнул Дьюк.

— И что же вы ему скажете? — спросила я, хотя сердце забилось чаще.

— Что ты хитрая лисица, которая не умеет драться, но у нее отличные рефлексy и острый ум.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.